

III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Руководство къ изученію медицинской географіи и статистики и эндемическихъ болѣзней. Соч. Ж. Будена. Переводъ Н. Гейнаца. — Spectateure militaire, recueil de science, d'art et d'histoire militaires.

Руководство къ изученію медицинской географіи и статистики и эндемическихъ болѣзней. Сочиненіе Ж. Будена. Переводъ Н. Гейнаца. Изданіе военно-медицинскаго департамента. 1864. 2 тома, in 8. Стр. 534 и 706.

Медицинская географія вообще такой новый еще предметъ, что она весьма недавно появилась и на западѣ, гдѣ такъ много трудятся надъ наукою. Разумѣется, мы не говоримъ объ отрывочныхъ сочиненіяхъ по части медицинской географіи, появившихся въ разные времена и въ различныхъ государствахъ; но о произведеніи болѣе или менѣе полномъ, какъ, на примѣръ, то, заглавіе котораго мы выставили въ началѣ своей статьи.

Г. Будень, главный врачъ рурскаго военнаго госпиталя, еще въ 1843 году издалъ опытъ медицинской географіи (*Essai de géographie medical*), но потомъ въ теченіе многихъ лѣтъ занимался какъ собираніемъ матеріаловъ, такъ ихъ группировкой и общенной, заручился сотрудничествомъ многихъ специалистовъ и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Однако инициатива изданія предлагаемой книги принадлежитъ, по словамъ автора, издателю ея, Баллеру, который оцѣнилъ всю важность и необходимость этого рода сочиненія.

При перечисленіи своихъ сотрудниковъ, авторъ приноситъ имъ искреннюю благодарность и говоритъ: „Благодаря ихъ дѣятельному сотрудничеству, намъ удалось привести къ концу почти энциклопедическую работу по части науки, доселѣ едва затронутой, работу, представлявшую столько препятствій, что одна мысль о ней способна была остановить нашу рѣшимость“. Но здѣсь насъ поразила одна странность: какимъ образомъ ученый авторъ, заявляя, что въ его трудѣ „приняли добровольное участіе извѣстные врачи и администраторы *всѣхъ стран*“, и желавшій возможно большей полноты своему тяжелому и многолѣтнему труду, не озаботился обратиться хотя бы къ одному изъ ученыхъ медиковъ или изъ администраторовъ у насъ, въ Россіи. Развѣ отсутствіе свѣдѣній или жалкія отрывочныя данныя о такомъ огромномъ государствѣ, какъ наше, могутъ быть не замѣчены въ книгѣ, которая на основаніи несомнѣнныхъ фактовъ дѣлаетъ разные выводы? Конечно, г. Вуденъ не обращался въ Россію за свѣдѣніями: иначе онъ получилъ бы ихъ непременно, и въ его сочиненіи не встрѣчались бы такіе важные промахи, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Надобно быть справедливымъ и замѣтить кстати, что мы дѣйствительно сами не имѣемъ еще весьма многихъ статистическихъ данныхъ; но есть же предметы и въ области статистики, которые показываются исправно. Относительно же медицинскихъ наблюдений можно смѣло сказать, что въ послѣднее время и у насъ не имѣется въ нихъ недостатка. Въ большихъ госпиталяхъ, не говоря уже о клиникахъ, ведутся журналы, записываются интересные случаи, и стоило бы только г. Вудену обратиться хоть въ Петербургъ, онъ непременно нашелъ бы много для себя интереснаго. Мы не можемъ понять отсутствія нашихъ ученыхъ въ спискѣ сотрудниковъ г. Вудена. Вотъ лица, оказавшія особенное содѣйствіе автору: въ Азій г. Моргеде, профессоръ медицинской клиники въ Бомбей; въ Америкѣ г. Борстонъ, въ Новомъ Орлеанѣ; г. Нотта, въ Мобилѣ (Элебэмъ); г. Сяго, лейбъ-медикъ бразильскаго императора; въ Африкѣ г. Гюйонъ, медицинскій инспекторъ арміи; въ Швейцаріи г. Маріъ д'Эшпизъ и Кольбъ, авторъ превосходнаго сочиненія о сравнительной статистикѣ; въ Италіи г. Бонинно, главный врачъ сардинской арміи, г. Ферраріо въ Миланѣ, г. Карбонаро въ Неаполѣ; въ Даніи г. Шлейсенеръ, посланный правительствомъ въ Исландію, медицинскую географію которой онъ обогатилъ мно-

гми саатами, гг. Панумъ и Гюбертъ; въ Швеціи гг. Бергъ Магнусъ Гуссъ, Т. Вильстрандъ, Гольстъ, Ильмони и въ особенности Лидьенвалъхъ, королевскій лейбъ-медикъ; въ Англии г. Сиддтъ, медицинскій инспекторъ сухопутныхъ войскъ, Чадвикъ, и преимущественно полковникъ Туллохъ и докторъ Вальсуръ, составившіе статистическіе отчеты о состояніи здоровья арміи, а также и В. Фарръ, дѣлавшій общіе выводы изъ трудовъ главнаго статистическаго комитета.

О Франціи мы не говоримъ, потому что авторъ тамъ у себя дома, слѣдовательно относительно этого государства у него всѣ данныя въ изобиліи были подъ рукою.

Во введеніи авторъ говоритъ о важности изученія медицинской географіи и, надо отдать ему честь, не тратитъ времени на бесполезное краснорѣчіе, а приступаетъ прямо въ дѣлу. Мы также приступимъ къ дѣлу и только попросимъ читателя имѣть въ виду, что не пишемъ рецензіи въ качествѣ спеціалиста, а сообщаемъ краткій отчетъ о замѣчательномъ сочиненіи. Медики, безъ сомнѣнія, прочли уже книгу г. Будена; но въ ней есть много вещей любопытныхъ для любознательнаго и образованнаго человека.

Первая часть „Медицинской Географіи“ раздѣлена на десять книгъ (отдѣловъ?), изъ которыхъ въ каждой по нѣскольку главъ. Вотъ содержаніе этихъ книгъ: I Солнечная система, II Медицинская геологія, III Медицинская гидрологія, IV Объ атмосферномъ воздухѣ, V Водяные метеоры, VI Температура на поверхности земли, VII Ботаническая географія, VIII Зоологическая географія, IX Вліяніе климата, X Явленія электричества.

Изъ приведеннаго оглавленія читатель видитъ, что авторъ широко принимается за дѣло, и неспеціалистъ вправдѣ бы заключить, что многочисленныя главы этихъ отдѣловъ трактуютъ о вещахъ серьезныхъ и не для каждаго занимательныхъ. Но если во всѣхъ этихъ отдѣлахъ и есть предметы сухіе, есть множество статистическихъ таблицъ, то встрѣчаются въ нихъ и любопытные отдѣлы, тѣмъ болѣе, что авторъ смотритъ на все съ медицинской точки зрѣнія и приводитъ множество примѣровъ изъ различныхъ источниковъ, заключающихся въ богатыхъ европейскіихъ литературахъ. Такъ, напримѣръ, говоря о суточномъ движеніи земли, авторъ рассказываетъ (стр. 20), что многія явленія у человека, повидимому, болѣе или менѣе тѣсно связаны съ суточнымъ движеніемъ земли, о чемъ собраны

уже весьма интересныя численныя данныя. Подагра обнаруживается около двѣнадцати часовъ ночи; потъ изнурительной лихорадки появляется на разсвѣтъ; четырехдневная лихорадка показывается послѣ полудня; кожный зудъ происходитъ преимущественно вечеромъ, а ломъ въ костяхъ среди ночи. Связь многихъ органическихъ явленій съ различными часами дня и временемъ года такова, что могла бы служить основаніемъ для составленія физиологическаго и патологическаго календаря; это было бы нѣчто въ родѣ того, что Линней называлъ *часами и календаремъ Флоры*.

Въ главѣ о почвѣ мы встрѣчаемъ, на примѣръ, такое любопытное свѣдѣніе: „Подъ берлинскою мостовою, во многихъ мѣстахъ, находятъ слой земли отъ 9 до 10 метровъ толщиною, наполненный живыми инфузоріями съ кремнистою скорлупою. Земля въ этомъ инфузорномъ слое составляетъ едва 4 на 100. Эти инфузоріи двигаются въ своихъ подземныхъ жилищахъ, и присутствіе ихъ большихъ зеленыхъ яичниковъ указываетъ на способность къ размноженію. Липенныя свѣта, онѣ, вѣроятно, притягиваютъ кислородъ воды, которая притекаетъ къ нимъ изъ русла рѣки Шпре. Прочность зданій нѣкоторыхъ берлинскихъ кварталовъ много уменьшается отъ этого слоя инфузорій“.

(Т. I, стр. 65.)

Въ главѣ о человѣкѣ и объ его отношеніяхъ къ почвѣ мы находимъ параграфъ: „*Земли, употребляемая въ пищу*“.

(Т. I, стр. 72—74.) На различныхъ мѣстностяхъ земнаго шара люди питаются землею. Такъ, на примѣръ, отомаки въ Южной Америкѣ употребляютъ въ пищу преимущественно жирную, желѣзистую глину до полутора фунта къ день, безъ всякой приправы, и считаютъ ее за хорошую пищу, потому что она насыщаетъ ихъ и не разстраиваетъ ихъ здоровья. Спиксъ и Мерциуен (Reise in Brasilien) говорятъ, что индійцы, населяющіе берега рѣки Амазонской (*), часто ѣдятъ жирную глину, даже въ то время, когда имѣютъ и другую пищу. По словамъ Молины, перувианки иногда употребляютъ въ пищу родъ глины пріятнаго запаха, и на рынкахъ Батаніи продается съѣдобная глина, которая, по Эренбергу, состоитъ изъ талька и слюды. Жители Гвианы, по Джили, примѣшиваютъ къ хлѣбу благовонную глину; Мэзонъ увѣряетъ, что, по недостатку другой пищи, жмай-

(*) Переводчикъ пишетъ Амазоны. Надо замѣтить, впрочемъ, что не въ одномъ мѣстѣ въ переводѣ географическія названія переведены неправильно. Рец.

ские негры питаются землей. Жители Новой Каледонии, по словам Дюбеллардьера, утоляют свой голодъ, въ случаѣ недостатка пищи, бѣлымъ и рыхлымъ стеатитомъ, который, по Вокелену, состоитъ изъ магнези, кремнезема и окиси желѣза, съ небольшою примѣсью извести и мѣди. Тотъ же описатель говоритъ, что на Явѣ приготовляютъ изъ желѣзистой глины родъ пирожковъ, которые мужчины ѣдятъ, чтобъ похудѣть, а женщины преимущественно во время беременности. Уанднеръ увѣряетъ, что въ Сіамскомъ королевствѣ женщины и дѣти ѣдятъ мыловку (стеатитъ) и что въ окрестностяхъ Серингапатама употребляютъ въ пищу родъ глины. Гвинейскіе негры, по Форстеру, часто приправляютъ рисъ мыльною землею, которая безвредна для ихъ здоровья. По прибытію ихъ въ западную Индію, они тщетно искали такой же земли, ибо, по словамъ Гунтера, употребленіе бѣлой земли, изъ которой приготовляются трубки, стоитъ жизни многимъ изъ этихъ несчастныхъ. По Георги, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири ѣдятъ горное масло, а по Палласу—въ Камчаткѣ употребляютъ въ пищу глину, состоящую изъ глинозема и окиси желѣза. Шамиссо упоминаетъ о трехъ мужчинахъ, которые, благодаря этой пищѣ, успѣли сохранить свою жизнь на островѣ Матуе, къ сѣверу отъ Алеутскихъ острововъ. Генбергъ и Ретціусъ увѣряютъ, что шведы иногда къ мукѣ подбавляютъ глинистую землю. Наконецъ каменотесы въ Кофегейзерѣ намазываютъ свой хлѣбъ горнымъ масломъ, вмѣсто коровьяго, и Кесслеръ говоритъ, что самъ былъ сытъ послѣ его употребленія (Burdach, Traité de physiologie). По Глиддону, въ Соединенныхъ Штатахъ живетъ большое число землѣдѣльцовъ (clay eaters) не только между неграми, но и между бѣлыми; они населяютъ прибрежные лѣса отъ Сѣверной Каролины до Флориды, и было бы весьма трудно искоренить въ нихъ этотъ обычай. (*)

Нельзя не обратить также вниманія любознательному человеку и на V параграфъ седьмой главы въ третьей книгѣ, подъ заглавіемъ: „Фабрикація льда въ жаркихъ странахъ“.

„Въ Бенгалѣ, подъ широтами, гдѣ ртуть на воздухѣ никогда не спускается до нуля, существуютъ фабрики, на которыхъ ежедневно выдѣлываются большія количества льда. Это искусственное замораживаніе производится почти исключительно по-

(*) Мы слышали, что и у насъ, а именно на Дону, во время неурожая, жители примѣшивали къ мукѣ какую-то особенную глину. Рсц.

средствомъ лучистаго теплорода, выдѣляемаго землею въ ночное время. Приводимъ здѣсь описаніе такой фабрики, построенной Уильямомъ, на которой работаетъ 300 человѣкъ. „Ровное мѣсто, пространствомъ около 4 акровъ, раздѣлено на квадраты отъ 1 до 1½ метра въ поперечникѣ, окруженные небольшою земляною насыпью въ одинъ дециметръ вышиною. Въ этихъ грядкахъ, покрытыхъ обыкновенно соломой или сахарнымъ тростникомъ; ставится столько блюдовъ, наполненныхъ водою, сколько ихъ можетъ помѣститься. Сосуды эти не глазурованы, но внутри вымазываются жиромъ; они очень широки и неглубоки; ледъ образуется на поверхности воды.

„По свидѣтельству Бекера и Уильямса, вѣтеръ, такъ много способствующій испаренію, въ Бенгалѣ до такой степени препятствуетъ производству льда, что если онъ дуетъ съ малѣйшею силою, то замерзаніе прекращается. Причина, ослабляющая дѣйствіе ночной лучистости, именно присутствіе большаго количества облаковъ, также мѣшаетъ замерзанію воды. Термометръ, помѣщенный на соломѣ между блюдами, не понижается до нуля въ моментъ образованія льда. Это доказываетъ, что наружныя стѣнки этихъ сосудовъ никогда не бываютъ очень холодны и не дѣйствуютъ подобно алькорозамъ или скважистымъ кувшинамъ, употребляемымъ для охлажденія на востокѣ. Если допустить, что первая пластинка льда, которую покрывается вода, образуется вслѣдствіе испаренія, то все-таки нужно изслѣдовать; отчего толщина ея постепенно увеличивается во время ночи, когда испареніе прекращается. Наконецъ, когда было известно, что явленіе ночнаго замерзанія свойственно не одной Индіи, Уэльсъ разрѣшилъ недоумѣніе, доказавъ, что въ Лондонѣ вода замерзаетъ иногда при температурѣ выше нуля, нисколько не теряя своего вѣса, что случилось бы, еслибъ въ этомъ явленіи участвовало испареніе.“ (Т. I., стр. 184—185.)

Изъ примѣчанія къ этому параграфу, мы узнаемъ, что и римлянамъ, повидимому, были извѣстны способы превращенія воды въ ледъ. „Существуютъ привилегированныя воды — говоритъ Плиній—и деньги сѣумѣли установить различіе даже между стихіями природы. Одни пьютъ свѣгъ, а другіе ледъ. Битъ горъ сдѣлался для чувственности предметомъ наслажденія. Ледъ берегаютъ для лѣтнихъ жаровъ. Нашли секретъ замораживать воду во время самыхъ знойныхъ мѣсяцевъ. Другіе ки-

пнать воду для того, чтобы минуто спустя превратнть ее въ ледъ.“

Рекомендуемъ читателю V и VI главы въ четвертой книгѣ, гдѣ описаны интересныя восхожденія различныхъ ученыхъ на высочайшія горы, поднятіе на аэростатахъ, спусканье въ подземныя рудники и погруженіе въ водолазномъ колоколѣ. Здѣсь собраны весьма занимательныя факты. Мы не можемъ ограничиться здѣсь даже и краткими выписками, на томъ основаніи, что это придадо бы нашей статьѣ крайне обширныя размѣры, тѣмъ болѣе, что есть еще впереди главы, изъ которыхъ невозможно не привести хотя коротенькихъ отрывковъ, представляющихъ уже не просто любопытныя замѣтки, но полезныя свѣдѣнія.

Такъ, напримѣръ, заимствуемое нами извлеченіе изъ 3 параграфа главы III книги шестой не будетъ лишнимъ. Параграфъ этотъ озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: „Дѣйствіе лѣсовъ, послѣдствія ихъ истребленія“.

„Лѣса—говоритъ авторъ—служать защитою отъ вѣтровъ, и дѣйствіе ихъ зависитъ отъ высоты, на которой дуютъ послѣдніе. Если высота ихъ не выше лѣса, то онъ удерживаетъ вѣтеръ; если лѣсъ достаточно густъ, то вѣтеръ, достигнувъ конца его, становится совершенно неощутимымъ. Если онъ дуетъ выше деревьевъ, то лѣсъ оказываетъ вліяніе только на нижній токъ воздуха, между тѣмъ какъ верхній, не встрѣчая никакого препятствія, несетя съ прежнею быстротою. Слѣдовательно, дѣйствіе лѣса ограничено. То же самое можно сказать и о деревянныхъ изгородахъ. Въ долинѣ Роны, гдѣ дуетъ мистраль, простой заборъ въ два метра вышины предохраняетъ растеніе не болѣе какъ на разстояніи 22 метровъ.

„Далѣе: лѣса защищаютъ и питають ручьи и рѣки, препятствуютъ образованію или способствуютъ высыханію потоковъ, поддерживаютъ и укрѣпляютъ почву. Присутствіе лѣса на весьма наклонной почвѣ препятствуетъ образованію горныхъ потоковъ; истребленіе лѣса подвергаетъ почву разрушительному ихъ дѣйствию; когда скаты обнажены, то дождевая вода стекаетъ по нимъ и переполняетъ потоки и рѣки. Лѣса защищаютъ почву отъ солнечныхъ лучей и поддерживаютъ въ ней болѣе влажности; они дѣйствуютъ также на охлажденіе температуры тѣмъ, что листья испаряють влагу, и покрытыя ими вѣтви представляютъ обширную поверхность, которая

охлаждается отъ ночнаго лучеиспусканія. Отъ послѣдняго, при ровныхъ обстоятельствахъ, лучъ охлаждается по 5, 6, 7 и даже 8 градусамъ болѣе, чѣмъ почва обнаженная.

„Всякая причина, разрыхляющая почву, какъ, напримѣръ, паханіе, способствуетъ просачиванію дождевой воды въ землю и позволяетъ ей собраться въ подземные водоемы; корни деревъ производятъ такое же дѣйствіе.

„Деревья суть естественные проводники изъ почвы, ибо они выпускаютъ посредствомъ листьевъ въ атмосферу воду, всасанную корнями изъ подземныхъ водохранилищъ и которую дерево не усвоило себѣ и не разложило. Если вырубить лѣсъ съ непроницаемою подпочвою, не обработывая ее, то земля съ трудомъ пропускаетъ дождевую воду; съ другой стороны, послѣдняя, не имѣя возможности испаряться чрезъ листья деревъ, остается болѣею частью въ подземныхъ водоемахъ и вмѣстѣ съ водами, находящимися подъ почвой, дѣлаетъ мѣстность болотистою. Это именно случилось въ Солоньѣ, Бреннѣ, Брессѣ, Домбѣ, вслѣдствіе замѣчательныхъ вырубокъ лѣсовъ. Тысячу лѣтъ тому назадъ Бренна была покрыта лѣсами, между которыми находились луга, орошенные быстрыми ручьями; она славилась плодородіемъ пастбищъ и пріятностію климата. Домба два столѣтія тому назадъ представляла край богатый и населенный; лѣса были вырублены для полученія большихъ пастбищъ взамѣнъ луговъ, обращенныхъ въ пруды, и край сдѣлался нездоровымъ. Лѣса имѣютъ вліяніе на здоровье мѣстности и тогда, когда находятся на пути воздушнаго тока, наполненнаго миазмами: тогда они предохраняютъ мѣстность, лежащую позади ихъ, между тѣмъ какъ открытая мѣстность подвергается вліянію болѣзнетворныхъ началъ.

„Наконецъ, истребленіе лѣсовъ равносильно уничтоженію такого же числа громоотводовъ, сколько было срублено деревъ: отъ этого измѣняется электрическое состояніе цѣлаго края, и однѣ изъ стихій, необходимыхъ для образованія града, скопляются въ мѣстности, гдѣ прежде стихія эта неминуемо разсѣивалась отъ незамѣтнаго, но непрерывнаго дѣйствія деревъ. Наблюденія подтверждаютъ эти теоретическіе выводы. По словомъ Араго, убытки, причиненные градомъ въ континентальныхъ владѣніяхъ бывшаго Сардинскаго королевства, съ 1820 по 1828 годъ включительно, доходятъ до 46 милліоновъ. Въ этотъ расчетъ не входятъ три области: долина Аосты, Сузы

и верхняя долина Маврианы, гдѣ града не было. Въ этихъ провинціяхъ горы покрыты густыми лѣсами. Изъ самыхъ теплыхъ областей Генуэзская, гдѣ горы также изобилуютъ деревьями, почти никогда не подвергается дѣйствию града.“ (Т. I, стр. 217—220.)

Въ книгѣ шестой, въ главѣ IV—крайнія температуры—мы встречаемъ чрезвычайно любопытный фактъ, что Черное море замрало три раза, именно въ 400 г. нашей эры безъ обозначенія срока, въ 558 г. на двадцать дней, а въ 763 г. на глубину *тридцати локтей* и на пространство 100 миль.

Вообще существуетъ мнѣніе, что климатъ на многихъ южныхъ мѣстностяхъ становится съ каждымъ годомъ суровѣе, но, сколько мы знаемъ, Черное море въ самыя суровыя зимы замраетъ весьма не надолго, и то лишь на нѣскольکو верстъ, у северныхъ береговъ, и по немъ не прекращается навигація. Жаль, что авторъ не приводитъ источниковъ, откуда онъ заимствовалъ свѣдѣнія, ибо если они справедливы, то значитъ, что въ древнія времена побережья Чернаго моря отличались болѣе жестокими зимами, нежели въ настоящее время. Впрочемъ, не смѣя опровергать положительно извѣстій, записанныхъ современниками, нельзя однакожъ принудить себя вѣрить въ непогрѣшительность этихъ свѣдѣній или не подозревать въ нихъ крайняго преувеличенія. Кто знаетъ Черное море, этотъ неиазмѣримо глубокой котель, отличающееся чрезвычайными бурями, особенно зимою, тотъ не можетъ согласиться, чтобы это море могло замрзнуть не только *на всемъ пространствѣ*, но и на тридцать локтей на пространствѣ ста миль! Какой необходимъ морозъ, который могъ бы сковать эту громадную массу! При томъ же надобно, чтобы самая сильная стужа господствовала постоянно въпомоществуемая абсолютнымъ безвѣтріемъ, ибо и небольшого вѣтра достаточно, чтобы сломить даже крѣпкій ледъ у береговъ, когда расходится и расколышется Черное море. Разумѣется, мы беремъ только 763 годъ, когда оно замрало на сто миль (у какихъ береговъ?), ибо, повторяемъ, что не можемъ рѣшиться повѣрить въ общее его замрзаніе.

Съ особеннымъ интересомъ прочли мы седьмую книгу— „ботаническую географію“ — и прежде нежели подѣлимся съ читателемъ нѣкоторыми свѣдѣніями, заимствованными отсюда, считаемъ обязанностію указать на нѣкоторые пробѣлы, происшедшіе вслѣдствіе незнакомства автора съ русскими источниками.

Такъ, напримѣръ, говоря о государствахъ, производящихъ пшеницу, г. Буденъ даже не упоминаетъ о Россіи, хотя ни для кого не тайна, сколько этого хлѣба вывозится отъ насъ за границу. Между тѣмъ, приводя таблицу урожая пшеницы въ древности, онъ цитируетъ Страбона, у котораго упоминается Херсонесъ Таврическій. Но интереснѣе всего, что въ статьѣ о виноградѣ, показывая, какое пространство, по Моро-де-Жоннесу, виноградники занимаютъ въ главныхъ государствахъ Европы, удѣляетъ на долю Россіи только 2,000 гектаровъ, и, называя Россію, пишетъ въ скобкахъ: Подолія! Кажъ будто бы у насъ въ другихъ мѣстахъ нигдѣ нѣтъ виноградниковъ. Изъ всѣхъ мѣстностей, гдѣ занимаютъ винодѣліемъ, Подолія въ этомъ отношеніи занимаетъ самое послѣднее мѣсто. Тутъ же рядомъ Бессарабія производитъ очень много вина, потомъ Крымъ, наконецъ Донъ. Мы уже не говоримъ о Кавказѣ и Закавказьи, гдѣ тоже вино выдѣлывается въ значительномъ количествѣ. Вслѣдствіе этого и въ таблицахъ потребленія вина выходятъ далеко не вѣрныя цифры. У Моро-де-Жоннеса показано, что въ Россіи (опять въ скобкахъ стоитъ *Подолія*) вина выдѣлывается всего 46,000 гектолитровъ, и количество вина, потребляемаго у насъ каждымъ жителемъ, выражается дробью $\frac{1}{20}$ часть гектолитра.

По нашему мнѣнію, въ этой книгѣ замѣчательнѣе всего главы V и VI—о болѣзняхъ, происходящихъ отъ порчи зерновыхъ хлѣбовъ: *эриотизмъ* и *пеллагра*. Мы останавливаемся на этомъ предметѣ собственно потому, что хотя у Будена и нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ этихъ болѣзняхъ въ Россіи, однако кому же изъ насъ неизвѣстно, что нерѣдко попадаютъ у насъ случаи заболѣванія отъ употребленія въ пищу спорынья?

„Спорынья встрѣчается только на растеніяхъ пленчатыхъ, створчатыхъ (злакахъ и ситовникахъ). Стебли всѣхъ злаковъ поражаются или, покрайней мѣрѣ, могутъ поражаться ею. Эта болѣзнь замѣчается не только на хлѣбныхъ растеніяхъ, каковы: пшеница, рожь, мансъ, ячмень, овесъ и проч., но и на малыхъ нехлѣбныхъ злакахъ. Спорынья появляется преимущественно на почвахъ влажныхъ, рыхлыхъ или песчаныхъ и относительно гораздо рѣже на твердыхъ, большею частію на западныхъ окраинахъ полей и главнѣйше на самыхъ высокихъ стебляхъ. Замѣчено, что во ржи, случайно смѣшанной съ небольшимъ количествомъ пшеницы, спорынья встрѣ-

чается относительно чаще, чѣмъ на полить, засѣянныгъ одною только рожью. Одинъ и тотъ же кустъ содержитъ обыкновенно одинъ рожокъ, иногда же отъ 2 до 4, рѣдко болѣе. Дожливое лѣто благоприятно для развитія спорыньи, хотя дожди, какъ кажется, только во время цвѣтенія ржи имѣютъ вліяніе на происхожденіе рожковъ.“ (Т. I, стр. 281.)

Болезнь отъ употребленія въ пищу спорыньи, именуемая эрготизмомъ, раздѣляется на два вида: эрготизмъ судорожный (convulsivus) и гангренозный или гнилостный (gangrenosus). Судорожный встрѣчается чаще. Первые о немъ свѣдѣнія относятся къ 1596 году. Въ книгѣ г. Будежа приводятся наблюденія врачей прежняго времени; но мы ограничимся новѣйшими наблюденіями.

„Приступы — говоритъ наблюдатель — были довольно продолжительны и продолжались около 12 часовъ; при чемъ больные страдали ужасными судорогами. Руки, ноги и пальцы корчились и деревянѣли до того, что два человѣка съ трудомъ могли двигать ихъ въ сочлененіяхъ; такое сгибаніе значительно облегчало больныхъ. По минованіи припадка, больные спали довольно спокойно и были страшно голодны. Они не чувствовали позыва къ рвотѣ, несмотря на употребленіе тепловатой воды, исключая, впрочемъ, старшей дочери (здѣсь описывается цѣлое семейство), которая едва оправилась отъ кровотеченія. У всѣхъ пульсъ былъ едва ощутимъ. Лечение ограничивалось тѣмъ, что больнымъ давали пить воду съ уксусомъ, и никто изъ нихъ не умеръ.“ (Т. I, стр. 284.)

Первый случай гангренознаго эрготизма отнесень у автора къ 1709 году. Болезнь начиналась съ большихъ нальцевъ ногъ и доходила до туловища. Было бы чрезвычайно любопытно, если бы наши врачи собрали небольшое свѣдѣній объ эрготизмѣ, который, безъ сомнѣнія, и въ настоящее время поражаетъ не одну жертву. Мы очень хорошо знаемъ, что на разныхъ мѣстностяхъ, во время неурожаевъ, народъ у насъ болѣетъ не отъ одного только недостаточнаго употребленія пищи. Неурожаи обыкновенно сопровождаются обиліемъ спорыньи, а какъ въ подобныхъ случаяхъ хлѣбъ весьма дорогъ, то, разумѣется, никто не обращаетъ вниманія на присутствіе въ зернѣ вредныхъ ростковъ.

Зерна маиса подвержены также особеннаго рода порчѣ, которая, при употребленіи въ пищу пораженнаго маиса, произ-

водить болѣзнь, известную въ наукѣ подъ именемъ пеллагры. Манса (кукуруза) воздѣлывается и у насъ на югѣ въ большомъ количествѣ, преимущественно въ Бессарабіи и прилегающихъ къ ней мѣстностяхъ Херсонской и Подольской губерній. Бессарабскіе крестьяне, какъ молдаване, такъ русины и вообще всѣ національности, населяющія область, исключительно питаются кукурузой, приготовляя изъ ей муки такъ называемую *мамалыгу*. Отсюда же вывозится большое количество кукурузы чрезъ одесскій портъ за границу.

Врачи наблюдали пеллагру въ Италіи, Испаніи и Франціи, и у г. Будена приведено множество случаевъ. О болѣзни этой въ Придунайскихъ княжествахъ, гдѣ кукуруза введена съ половины XVII столѣтія и сдѣлалась главною пищею населенія, нѣтъ и помину. Докторъ Калъя замѣтилъ, впрочемъ, одинъ случай, который доказываетъ однако, что и на западѣ интересные случаи не всегда возбуждаютъ любознательность ученыхъ.

„Я уже намѣревался—говоритъ онъ—вернуться во Францію, въ полной увѣренности, что пеллагры не существуетъ въ Придунайскихъ княжествахъ, какъ въ концѣ 1847 года молдавская княгиня Кантанузенъ-Гика пріѣхала въ Бухарестъ къ своей дочери, которую я въ то время пользовалъ, и между прочимъ рассказала мнѣ, что въ ея деревнѣ Михайленіи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Молдавіи появилась какая-то особенная, еще невиданная болѣзнь, подъ названіемъ *эпидемической проказы*. Признаки ея были слѣдующіе: сначала краснота и опухоль рукъ и ногъ, затѣмъ толстая чешуя, наконецъ поносъ, водянка и бредъ, часто оканчивающіеся смертію. По случаю скорого моего отъѣзда, я не могъ самъ посѣтить мѣсто, гдѣ обнаружилась эпидемія, но я оставилъ у нашего дипломатическаго агента подробную записку, съ просьбою переслать ее, чрезъ французскаго консула въ Яссахъ, доктору Финкенштейну; наблюденію котораго представилась эта болѣзнь. Моя записка была послана; но къ этому времени подоспѣли событія 1848 года: наши консулы были смѣнены, и я не могъ уже получить необходимыхъ свѣдѣній о возможности сходства между пеллагрой и вновь появившейся эпидеміей.“ (Т. I, стр. 288.)

И съ 1847 года до нашего времени никто не позаботился произвести наблюденія надъ такимъ интереснымъ предметомъ! Приводимъ это собственно потому, что и у насъ кукурузой питается населеніе не менѣе милліона, и такъ какъ Бессарабія

въ окрестностяхъ излѣживается въ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ съ Прядунскими вѣдѣніями, то было бы полезно заняться изслѣдованіями: существуетъ ли тамъ пеллагра, въ какомъ видѣ, и въ какой мѣрѣ справедливо мнѣніе г. Вудана, что болѣзнь эта до сихъ поръ являлась *индемически* *и только въ мѣстахъ, гдѣ масса составляетъ главную пищу жителей, притомъ только въ Европѣ и на пространствѣ между 42° и 46° северной широты.*

Восьмая книга посвящена зоологической географіи. Читатель съ удовольствіемъ пробѣжитъ здѣсь ловлю итотовъ и описаніе этого морскаго чудовища и не безъ интереса остановится на паразитахъ, описанныхъ довольно подробно. Не менѣе занимательны свѣдѣнія и о вредныхъ насѣкомыхъ. Только намъ показалось страннымъ, что, приводя въ своей географіи пивнейскаго червя и вредную блоху, г. Вуданъ совершенно не упоминаетъ о мнѣсномъ клопѣ, укушеніе котораго смертельно для туземца. Неужели авторъ никогда не слыхалъ о его существованіи? Есть въ Перей, недалеко отъ нашей границы, городокъ Міана или Міанъ, въ которомъ водятся клопы, столь же по виду съ обыкновенными. На туземцевъ они не оказываютъ особаго вреднаго вліянія; но иностранецъ, укушенный ими, заболѣваетъ и, чтобъ избѣгнуть отъ смерти, долженъ подвергнуться леченію мѣстными средствами, состоящими изъ строгой діеты и различныхъ травъ, предписываемыхъ тамошними знахарями.

Неспеціалистъ-читатель найдетъ также у г. Вудана совершенно новую болѣзнь *бассинъ* (*mol de vers, mol de Bassine*), проявляющуюся единственно у женщинъ, занимающихся съматываніемъ шелка. Болѣзнь эта происходитъ отъ непрерывнаго приносновенія къ старымъ коконамъ. Впрочемъ, *бассинъ* не опасна и не угрожаетъ разрушеніемъ пораженнаго члена, а еще менѣе жизни больного.

Въ седьмой главѣ разсматривается пребываніе земноводныхъ въ человеческомъ тѣлѣ. Кто изъ насъ не слыхалъ различныхъ разсказовъ о томъ, что у иныхъ людей, которыхъ намъ даже называли по имени, въ желудкѣ находились различные гады, извлеченные какими-нибудь знахарями или знахарками? Въ эти разсказы вѣрилось поневолѣ, когда подобныя же случаи попадались и въ печати. Но чѣмъ далѣе подвигались впередъ естественныя науки, тѣмъ рѣже можно было встрѣчать эти

малозначительные случаи, и теперь медицина утверждает положительно, что въ человеческомъ желудкѣ, кромѣ извѣстныхъ паразитовъ, никакое другое живое существо жить не въ состоянн. Объ этомъ читатель найдетъ у Будена цѣлый рядъ любопытныхъ изслѣдованнй.

Въ послѣдующихъ главахъ описываются тарантулы и тарантизмъ (болѣзнь отъ укушенн этого паука), абиссинская пчела, и скорпионъ и его укушенн. Все это вещи чрезвычайно интересныя. Но мы остановимся на десятой главѣ (т. I, стр. 368—369), носящей заглавн: „Укушенн змн, какъ средство противъ желтой горячки“. Авторъ приводитъ наблюденн одного врача, который прививаетъ ядъ маленькой гадюки и тѣмъ предохраняетъ отъ заболѣванн желтою горячкою. Въ 1850, 1851 и 1852 годахъ онъ дѣлалъ опыты въ болѣе обширномъ размѣрѣ въ Вера-Крусѣ и привилъ ядъ гадюки (vipera) 1,438 лицамъ; изъ нихъ только семь имѣли желтую горячку. Въ Новомъ-Орлеанѣ онъ привилъ ядъ гадюки 286 ирландцамъ и сѣверо-американцамъ, недавно прибывшимъ туда: ни одинъ изъ нихъ не заболѣлъ желтой горячкою во время убнйственной эпидемн этой болѣзни.

Книга девятая—о влннн климата—представляетъ также много любопытныхъ свѣдѣннй. Какъ, напримѣръ, не останется ли таинствъ предметахъ, какъ сопротивленн человека жару, и холоду, и замерзанню? Если бы размѣры статьи дозволяли, мы привели бы многн мѣста цѣликомъ, а теперь ограничиваемся лишь краткими извлеченнми.

„Сильный солнечный жаръ — говоритъ авторъ въ концѣ третьей главы — можетъ причинить много вреда войскамъ во время похода: отсюда видно, какъ важно для военныхъ орамы умѣть умѣрять сильный солнечный зной. Въ Алжирѣ спиртадусный термометръ иногда показываетъ на солнцѣ 72°. Такой жаръ объясняетъ, какимъ образомъ, въ 1826 году, въ войска (армн?) генерала Бюжо, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, во время экспедицн въ Оранъ, въ теченн немногихъ часовъ, могло произойти 11 случаевъ самоубнйства и 200 случаевъ сильнаго прилива крови къ мозгу (congestio cerebri).“

„Нѣчто подобное случилось въ Бельгн, 8-го юля 1853 года, во время движенн одного полка изъ беварлефскаго лагеря въ Гассельтъ. Изъ 1,200 человекъ, выступавшихъ въ восемь

часовъ утра, вечеромъ пришло въ Гассельтъ только 500, а 19 погибли въ пути, и въ госпиталь поступило большое число людей, одержимыхъ бѣшеннымъ бредомъ, несмотря на то, что въ этотъ день температура воздуха въ тѣни не превышала 33 — 35°. Въ тотъ же самый день два египетскіе астронома, Махмудъ и Измаиль, увѣрили Кетле, что въ Брюссель они терпѣли столько же при 30,7°, какъ и въ Каирѣ при 50°—новое доказательство, какъ необходимо обращать вниманіе и на количество теплоты.“ (Т. I, стр. 384.)

Статья о замерзаніи изобилуетъ множествомъ данныхъ, особенно изъ войны 1812 года. Но это вещи болѣе или менѣе извѣстныя; а мы заимствуемъ у автора нѣсколько свѣдѣній изъ крымской войны 1854 и 1855 годовъ объ отмороженіи членовъ людьми, непривычными къ нашему климату, хотя имъ и приходилось зимовать въ тепломъ поясѣ.

„Въ концѣ декабря—говоритъ Гаспель—привезли къ намъ, въ Константинополь, множество людей, которые жаловались на бѣгачіе мурашекъ, на покалыванье какъ бы иголками, притупленіе чувствительности, невыносимый зудъ и отекъ ногъ. Явленія эти въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣнялись жгучимъ жаромъ съ чрезмѣрною чувствительностію и болью, которая обыкновенно начиналась въ подошвахъ и распространялась на большее или меньшее пространство по сѣдалищнымъ нервамъ. Въ нѣкоторыхъ, правда рѣдкихъ, случаяхъ замѣчались: полупараличь, современемъ проходившій, эритематозная опухоль и разсѣянная боль; нѣрѣдко случаи эти сопровождались утолщеніемъ и сплупленіемъ кожицы. Эти болѣзненные явленія не всегда развивались такъ быстро, какъ въ Бу-Талебѣ, гдѣ сильный холодъ, продолжавшійся 24 часа, былъ достаточенъ для произведенія ихъ. Здѣсь развивались они медленно, часто незамѣтно и исподоволь; они, такъ сказать, вѣдрялись и проникали весь организмъ. Отъ этого боли были упорнѣе и напряженнѣе и въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигали такой силы, что больные по цѣлымъ суткамъ не знали покоя и безпрестанно раскрывались, надѣясь найти облегченіе въ прохладной атмосферѣ госпитальной палаты. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ боль эта доходила до такой степени, что лишала больныхъ аппетита и сна и приводила ихъ въ крайнюю раздражительность, почти въ отчаяніе. Нѣкоторые, доведенные затяжнымъ поносомъ до совершеннаго изнуренія (cachectus), нисколько не заботились о немъ; все

ихъ вниманіе было обращено на ноги: „облегчите мою боль“, говорили они, показывая на свои исхудавшіе члены, когда ихъ спрашивали о поносѣ или дизентеріи.“ (Т. I, стр. 398.)

Десятая книга—о явленіяхъ электричества—наполнена разнообразными и до высшей степени занимательными подробностями. Вообще весь первый томъ, заключающій разныя общія свѣдѣнія, можетъ заинтересовать каждаго любознательнаго человѣка.

Во второмъ томѣ заключается одиннадцатая книга перваго тома—о свѣтѣ и его вліяніи, и часть вторая, содержащая четыре книги: 1) статистическіе законы о почвѣ и народонаселеніи, 2) этнографія Европы, 3) географія и статистика человѣческихъ болѣзней и тѣлесныхъ недостатковъ, 4) эпидеміи, географія и статистика нѣкоторыхъ болѣзней и тѣлесныхъ недостатковъ. Во второй книгѣ есть еще, впрочемъ, подраздѣленіе съ особыми главами: акклиматизація.

Въ книгѣ о вліяніи свѣта занимательна глава, посвященная гемералопіи, ночной слѣпотѣ или, какъ называютъ у насъ, *куриной*. Болѣзнь эта занимаетъ первое мѣсто въ числѣ болѣзней, дѣлающихъ значительное число солдатъ и матросовъ неспособными къ службѣ. „Понятно—говоритъ авторъ—какъ важно въ отношеніи военной и морской гигиены знать настоящую причину, отъ которой зависитъ выборъ мѣръ въ случаѣ повальной гемералопіи. Рѣшеніе этого вопроса, конечно, зависитъ отъ *точною истолкованія многочисленныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній*.“ (Т. II, стр. 18.)

Авторъ приводитъ нѣсколько данныхъ и полагаетъ, что онѣ, повидимому, оставляютъ вопросъ еще нерѣшеннымъ. Такое положительное заключеніе о столь важной болѣзни (разумеется, важной не столько въ медицинскомъ отношеніи) намъ показалось страннымъ потому, что г. Буденъ довольствовался лишь наблюденіями нѣсколькихъ морскихъ врачей *Французскаго флота*, не справившись съ наблюденіями ни морскихъ медиковъ въ другихъ государствахъ, ни военныхъ въ различныхъ европейскихъ арміяхъ. Кому неизвѣстны случаи куриной слѣпоты и у насъ въ полкахъ, о чемъ, безъ сомнѣнія, есть провѣренныя и записанныя данныя? Но, положимъ, Россія для иностранца остается terra incognita. Во всякомъ случаѣ, гемералопія наблюдается же въ разныхъ сухопутныхъ арміяхъ, и для полноты медицинской статистики г. Будену слѣдовало бы за-

ржиться матеріалами хоть во французскомъ военномъ министерствѣ, для чего, вѣроятно, онъ имѣлъ должѣйшую возможность. И что страннѣе всего — въ такомъ серьезномъ сочиненіи, какъ оныя медицинскія географіи и статистики, авторъ приводитъ о куриной слѣпотѣ начиная съ 1830 года и кончая 1850, какъ будто послѣ означеннаго времени болѣзни эта прекратилась или надъ нею не производилось съ тѣхъ поръ наблюдений. Послѣ этого съ крайнимъ удивленіемъ читаются слѣдующія строки, напечатанныя въ концѣ главы за приводимыми фактами:

«Какое бы важное значеніе ни имѣли приведенныя данныя, мы не считаемъ ихъ достаточно убѣдительными для того, чтобы рѣшить вопросъ о происхожденіи куриной слѣпоты; мы думаемъ даже, что будемъ ближе къ истинѣ, если допустимъ совпаденіе обоихъ вѣданій, т. е. дѣйствіе сильнаго свѣта и слѣ обыкновенными причинами цынги. Но и это объясненіе составляетъ только вѣроятное предположеніе, къ которому рѣдко приходится прибѣгать врачу при истолкованіи причинъ эндемическихъ и эпидемическихъ болѣзней.» (Т. II, стр. 22.)

Не возникаетъ ли въ читателѣ самъ собою весьма общественный вопросъ: неужели наука, подобная медицинѣ, которая съ каждымъ годомъ дѣлаетъ замѣчательные успѣхи; не работала чего-нибудь по этому предмету, въ продолженіе десяти-двѣнадцати лѣтъ? Какъ хотите, а такой пропускъ неизвинителенъ въ изданіи, которое обладаетъ огромнымъ запасомъ матеріаловъ.

Въ главѣ четвертой, заключающей описаніемъ миража и рагги или галлюцинаціи пустынь, встрѣчаются свѣдѣнія, не лишеныя интереса для читателей, заимствованныя авторомъ изъ записки, присланной въ парижскую академію въ 1855 году. О миражѣ болѣе или менѣе извѣстно каждому, потому что это явленіе не рѣдкость и у насъ въ южныхъ степяхъ, но рагги явленіе своеобразное, съ которымъ нелишнимъ будетъ познакомиться хоть вкратцѣ. Название это арабское и означаетъ галлюцинацію. Оно состоитъ изъ двухъ слоговъ, первый изъ которыхъ означаетъ долгое лишеніе сна и происходящая оттого усталость; слогъ второй обыкновенное, причиною рагги, который можетъ также развиться подъ вліяніемъ сильной жажды, голода, бытъ можетъ также горя, страданій и т. д. Чувства притупляются, духъ воспримчивость становится обидчивой и не удовлетворяетъ разу-

ма, который старается вознаграить ее; неясное ощущение служит исходной точкой и составляет основу, на которой строится картина воображения; сбиленіе мыслей довершает это превращеніе, которое происходит или въ сферѣ обычныхъ стремленій челоѵка, или же въ сферѣ временныхъ его ощущеній. Извращенія могутъ относиться къ зрѣнію, слуху, вкусу, обонянію и, быть можетъ, даже къ осязанію. Заблужденія зрѣнія случаются чаще. Глазъ утомляется, отыскивая въ полумракѣ, въ тѣнѣ называемой видимой темнотой, подробности или дѣйствительныя формы предметовъ. Другія чувства рѣдко подвергаются подобному дѣйствию утомленія. Обманъ чувства слуха можетъ случиться среди смѣтенія боя, когда, съвѣзъ оглушающій громъ пушечной и ружейной пальбы, дрожаніе земли и воздуха отъ скачущихъ лошадей и повозокъ, съвѣзъ крики раненыхъ, восклицанія команды (командныхъ восклицаній?), которыя сталкиваются и сливаются между собой, грохотъ барабановъ и звуки трубы, солдатъ тѣтно, старается, съ напряженнымъ вниманіемъ, различить голосъ своихъ начальниковъ. (Т. II, стр. 23—24.)

Естественныя наклонности людей, принадлежащихъ къ одному племени и получившихъ приблизительно одинаовое образование, немногимъ разнятся между собою; то же можно сказать и объ ихъ ощущеніяхъ, догда они находятся подъ вліаніемъ однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ. Одинаовый поводъ можетъ вызвать у нихъ почти тождественныя aberracіи.

У народовъ разноплеменныхъ или съ различнымъ образованіемъ галлюцинаціи, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, представляютъ нѣкоторые отличія, но рѣдко бываютъ одинаковы. Бедуинъ, никогда не видѣвшій деревьевъ (а такихъ не мало), не можетъ увидѣть дѣса; тамъ, гдѣ мы видимъ повозку, арабъ увидитъ верблюда; гдѣ мы видимъ колокольню, онъ увидитъ минареть; и т. д. (Ib.)

„Эскейравъ встрѣтилъ однажды въ Бихарассой пустынь заблудившагося негра. Около шестидесяти часовъ этотъ несчастный оставался безъ пищи. Подъ вліаніемъ жажды, онъ то и дѣло встрѣчалъ источники проточной воды, которую онъ, какъ ему казалось, жеминутно угощалъ жажду; сухой вѣтеръ пустыни приносилъ ему влажныя испаренія; онъ шелъ безоружно по песку, думая, что ходитъ по влажной почвѣ. Иной разъ ему вдругъ представлялся Ниль, и тогда онъ бѣжалъ до тѣхъ поръ,

предоставляются тому вследствие одышливости идей, изъ которыхъ первая возникаетъ отъ какого-нибудь опущенія, предшествующаго случаю, но едва имѣетъ никакой связи между этими опущеніями и очевидными. Видимое, разнѣе отличается отъ той картины тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ то, что видимо, существуетъ на дѣлѣ: такъ, напримѣръ, если намъ кажется, что видимъ воду, то действительно имѣемъ предъ глазами какую-нибудь блестящую и нѣсколько волнующуюся поверхность; разсудокъ ошибается только въ томъ, что предполагается, будто тогда воды долженъ непременно означать действительное ея существованіе. (Т. II, стр. 27—28.)

Книга первая (человѣкъ, разсматриваемый съ точки зрѣнія географической) не представляетъ особаго интереса въ общемъ, хотя есть довольно любопытныя частности. Если бы г. Бурдакъ писалъ медицинскую географію и статистику, Франція, вѣроятно книга его была бы неоспорима хороша; но такъ какъ онъ приводитъ иногда о другихъ странахъ только описательныя свѣдѣнія, и то за какой-нибудь весьма отдаленный періодъ времени, то и не знаешь, что авторъ хотѣлъ сказать шифрованными таблицами.

Въ главѣ шестой—о плодovitости разныхъ народовъ свѣдующія любопытныя извѣстія. Напримѣръ, по словамъ Уортона, чета проликовъ, высаженныхъ на островъ, въ проливахъ въ два года *шесть тысячъ потомковъ*. Не смѣемъ оспаривать, но въ пятидесяти вѣроятно невѣроятный.

Одна женщина имѣла въ одиннадцать родовъ тридцать-двухъ дѣтей, сама родилась съ тремя дружинами, а мать ея имѣла тридцать-восемь дѣтей. Другая въ одинъ разъ родила пяти-человѣкъ дѣтей, а ея сестра трекъ Державы упоминаетъ о жемчужинѣ, имѣвшей шеснанадцать дѣтей, изъ которыхъ одиннадцать вступили въ бракъ. Когда она умерла, она девяносто-третью году жизни, потомство ея состояло изъ ста-сорокадвяти-человѣковъ, двусотъ-двадцати-восемь проликовъ и девятисотъ дѣтей отъ послѣднихъ, всего изъ тысячи-двусотъ-пятидесяти-рельныхъ лицъ. Свѣдѣніе это заимствовано авторомъ отъ Бурдака, и въ „Traité de physiologie“, т. II, стр. 114.

Въ главѣ десятой—о смертности разныхъ народовъ, о напримѣръ, свѣдующее:

„Самоубійство вездѣ совершается различными способами, но каждый народъ имѣетъ свой особенный способъ, и различіе

всёма радикальнѣе, въ томъ видѣ-то не принимается на веру его таблица, разлагающаяся въ Дитерихи на 3,000,000, а въ Редена на 185,000,000! Ибо и самъ редакторъ или редакторша, и редакторша или редакторъ не могли бы изъяснить это 900 Главъ Псалтирографии Европы—составлена довольно полно; только бездѣлныя противорѣчія въ цифрахъ; и главное—послѣдствія себя уже чрезчуръ назенный характеръ; такъ и видно, что здѣсь пользовались лишь тѣми источниками, которые бездѣлны и не трудились даже заглядывать въ новѣйшія статьи по вѣдѣи европейской этнографіи. На каждой страницѣ почти вы найдете ссылки на Schoell, Tableau des peuples qui habitent l'Europe. Paris 1812 (т). А кажется можно было пожелать источниковъ посвѣжѣе, особенно теперь, когда паровыя сообщенія такъ облегчили путешествіе по различнымъ странамъ Европы. Разумѣется, что историческая часть этнографіи сильно хромаетъ вслѣдствіе заимствованій изъ старинныхъ источниковъ; но, по крайней мѣрѣ, въ этнографіи Европы перечислены всѣ народы, въ населяющіе, и отъ этого-то мы назвали ее довольно полною.

Между прочимъ, въ Россіи совсемъ не показаны цыгане, которые, кромѣ Бессарабіи, гдѣ они составили самостоятельное сословіе крѣпостныхъ, разсѣяны по всемъ губерніямъ, а также и въ Крыму, гдѣ они разнятся отъ цыганъ, живущихъ на прочихъ мѣстностяхъ имперіи. О такомъ любопытномъ и, можно сказать, загадочномъ народѣ, какъ цыгане, можно бы привести гораздо болѣе интересныхъ свѣдѣній, хотя изъ прекрасной статьи, напечатанной въ „Revue de deux mondes“, нѣсколько лѣтъ тому назадъ (года не упоминаю).

Евреямъ посвящено особая, IV, глава и отличается большею полнотою, такъ какъ объ этомъ племени имѣются свѣдѣнія съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Но и здѣсь встрѣчаются промахи: такъ, напримѣръ, авторъ, раздѣливъ евреевъ, живущихъ въ Европѣ, на три категоріи, умалчиваетъ о караимахъ, сектѣ очень важной, поселенной у насъ въ Крыму, откуда они разшлись по городамъ Новороссійскаго края, и въ западныхъ губерніяхъ. Говоря о языкѣ, г. Будень упускаетъ такія изъ виду, что еврейское племѣ имѣетъ одну свѣдѣнную ему особенность—не говорить на своемъ природномъ языкѣ, употребляемомъ лишь въ богослуженіи, и объясняться на языкѣ народовъ, среди которыхъ оно живетъ. Евреи испанскіе говорятъ ломанымъ испанскимъ языкомъ, нѣмецкіе—нѣмецкимъ, разумѣется,

прежними, который употребляют и нашими, вышедшими в Польшу из Германіи, в Азіатской Турціи по-турецки и по-арабски, и в Персіи по-персидски, наконецъ, караваны, нашедшіе и убывшіе въ Крымъ, говорятъ и въ настоящее время на-татарски. Есть въ Чечніи, близъ крѣпости Грозной еврейскіе аулы, гдѣ евреи говорятъ по-чеченски. Вездѣ у евреевъ народный языкъ остается живымъ мертвымъ книжнымъ, и мало даже понятнымъ для большинства. Образованные евреи у насъ давно уже усвоили чистый ибидскій языкъ, а съ нѣкоторыхъ поръ съмѣляютъ замѣтно особенное стремленіе къ усвоенію языка русскаго, и оттого это въ виду насъ не удивительно.

Въ колоніяхъ евреи тоже разногласица, такъ что Герцельманъ еще въ 1833 г. считывалъ на всемъ земномъ шарѣ 659,800 Берггоуль въ 1854 г. — 400,000 Джонстонъ въ 1855 — 600,000, а г. Будень, по своему-то своему особому численію, догадываетъ *большероссийскимъ* число 390,000.

Въ книгѣ еврейскій, трагующей объ акклиматизаціи, есть мѣста, гдѣ говорится, по нашему мнѣнію, не будутъ лишніи для читателя.

Акклиматизація — говоритъ авторъ — составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ и обшнривѣйшихъ предметовъ медицинско-географіи. Отъ нея зависитъ важная задача колонизаціи и выбора войскъ, предназначенныхъ на службу вдали отъ своего отечества, и гдѣ она находится въ связи съ важнѣйшими вопросами общественной гігіены, политической и социальной экономіи. Вопросъ объ акклиматизаціи, предоставленный въ послѣднее время исключительно теоретической разработкѣ, былъ рѣшаемъ равнодушно, какъ слѣдовало ожидать, безъ всякой пользы для науки и для правительственныхъ цѣлей.

Подъ словомъ акклиматизація мы разумѣемъ способность организованныхъ существъ приравливаться, до известной степени, къ новому климату; чѣмъ тотъ, въ которомъ они родились. Что касается до способности, то она безспорно существуетъ, и въ дѣло идетъ только о предѣлахъ этой способности. Для растеній и животного практическое примѣненіе акклиматизаціи ограничивается простымъ сохраненіемъ недѣлнимаго и пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ качествъ, дающихъ неговѣку возможность явленія изъ этого подлзу; но дѣло не такъ просто въ примѣненіи къ человеку, для котораго самая акклиматизація требуетъ совершеннаго сохраненія всѣхъ его физическихъ,

умственныхъ и нравственныхъ способностей» (Журн. II, ж. стр. 140—141.)

Въ послѣдующихъ главахъ приведены подробныя таблицы смертности въ войскахъ французскихъ и английскихъ, находившихся въ жаркихъ странахъ, изъ которыхъ нѣмнѣе свѣдѣній не мѣшаетъ знать военной администраціи всѣхъ странъ.

Читатель, вѣроятно, не позабылъ, что мы дѣлаемъ весьма краткій разборъ предлагаемой книги, а потому не станемъ требовать отъ насъ слишкомъ большихъ подробностей. Мы, чтобы не выйти изъ предѣловъ журнальной статьи, выпускаемъ цѣлыя главы, не представляющія для насъ особаго интереса.

Третья книга заключаетъ географію и статистику человѣческихъ болѣзней и тѣлесныхъ недостатковъ, и въ ней, по нашему мнѣнію, важна IV глава, которая озаглавлена: „Болѣзни, какъ причина смертности въ войскахъ“.

„Въ предъидущей главѣ—говоритъ авторъ—мы изучали болѣзни, обуславливающія смертность въ цѣлой массѣ населенія; теперь перейдемъ къ рассмотренію ихъ относительно той части мужскаго населенія, которое составляетъ войско! Почти излишне говорить о важности этого изученія, если только вспомнимъ, что важнѣйшіе политическіе интересы могутъ зависѣть отъ состоянія здоровья войскъ и что самое лучшее средство для улучшенія военной гигиены состоитъ очевидно въ томъ, чтобы изучить причины болѣзней и смертности въ войскахъ.“

„По этому предмету въ послѣднія двадцать лѣтъ было обнародовано различными правительствами много очень важныхъ трудовъ. Изъ нихъ самыя полныя, наилучше обработанныя и поучительныя суть безспорно отчеты англійскаго правительства о состояніи здоровья и смертности въ англійскихъ арміи и флота. Эти образцовые статистическіе отчеты пролили яркій свѣтъ на многіе экономическіе, военные и научные вопросы. Въ 1840 году, правительство Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, въ свою очередь, обнародовало медицинскую статистику тампінской арміи. Докторъ Касперъ въ Берлинѣ собралъ очень важныя свѣдѣнія о наборѣ и смертности въ прусской арміи съ 1829 по 1838 годъ. Во Франціи военный министръ обнародовалъ статистику изъятій отъ военной службы въ 86 департаментахъ, начиная съ 1816 года. Законъ 22-го января 1851 года, внесенный въ законодательное собраніе Дежоберомъ, обязалъ

застав правительство ежегодно обнародовать отчеты о быдѣ убыли въ армии (*). Въ составленномъ дотогъ законѣ до сихъ поръ еще не было приведено въ исполненіе (**). (Гр. II, стр. 261—262.)

Заставъ приводятся цифры смертности въ различныхъ арміяхъ отъ того же числа и прусской въ предположеніи о турецкую войну, довольно подробныя. (Гр. III, стр. 262—263.)

Книга четвертая и послѣдняя, заключающая LXVI главъ на 418 страницъ, и есть самая суть въ составленіи на Буденъ Эдвартъ охъ разсужденіе о эндеміи, географіи и статистикѣ въ болѣзней болѣзней (въ сельскихъ и городскихъ). Въ предисловіи (стр. 289) онъ говоритъ совершенно справедливо: «Жизнь народа — (ср. стр. 290) «Жизнь уже для гражданскаго врача неудобно и опасно изучать страннахъ болѣзней, которыя могутъ ему встрѣтиться лишь въ случаѣ рѣдкихъ случаевъ, но, съ другой стороны, болѣзней опасныхъ для общества, если военный или морской врачъ, занятый на роду своей службы непрерывно воемъ и различными видами деятельности, не знакомъ съ болѣзнями, свойственными различнымъ странамъ (стр. 291) ибо знаніе его о частяхъ жизни и деятельности населенія для гражданскаго и военнаго врача относительно и въ рѣдкихъ случаяхъ здоровья армии и рѣдкихъ предупрежденію значительной смертности.» (Гр. III, стр. 291)

(Здѣсь мы уже и переставъ свидѣть на авторомъ, за что ему что для этого необходимо было бы вступать частно въ медицинскую область, и по временамъ только будемъ останавливаться тамъ, гдѣ намъ окажется удобнѣе, указывая, впрочемъ, лишь на главы. Тамъ въ XII главѣ подробно описанъ бышествовавшая глава XVII о военномъ главѣ; глава XXI о глухонемыхъ у Буденъ, для разрѣшенія вопроса о неравномерномъ представленіи глухонемыхъ у разныхъ народовъ, въ наукѣ и недостаткѣ еще положительныхъ фактовъ. Можно приять, впрочемъ — говоритъ онъ — что причиною врожденной глухоноты

(*) Мы нарочно оставили примѣчанія автора и приводимъ ихъ цѣлкомъ. Въ ст. 5-й этого закона сказано: «Ежегодный отчетъ о рекрутскомъ наборѣ долженъ содержать статистическія свѣдѣнія о мѣстоимѣннѣ здоровья войскъ, принимая на каждый корпусъ, должно быть показана: 1) среднее число людей въ предположеніе года; 2) число пользовавшихся въ госпиталяхъ и полковыхъ лазаретахъ и число дней леченія; 3) число уволенныхъ въ неспособные; 4) число умершихъ; 5) причины (болѣзней, ранъ, тѣлесныя недостатки), послужившія въ госпиталяхъ и лазаретахъ, назначеніе въ неспособные и смерти.» (Гр. III, стр. 291)

(**) Инструкція отъ 3-го декабря 1851 г., данная вместо упомянутого закона, составлена слишкомъ неудовлетворительно, чтобы можно было ожидать отъ нея какихъ-нибудь пользы. (Гр. III, стр. 291)

часто, бываетъ бракъ между родственниками. Онъ приводитъ по этому случаю мнѣніе графа де-Местра (кафрѣй) доказывая что всадѣ требуюсь Тѣмъ; разное издѣленіе, приходится къ вѣдѣм оригинальному заложению; „По такому заложению гдѣбы фиделию—говоритъ онъ—пелеръкъ, который готовъ истратитъ огромную сумму для случки, напримѣръ, арабскаго жеребца съ чорвидекомъ ноблюю; для самого себя беретъ, не задумавши, супругу изъ кровнаго родства?... (Т. II, стр. 400.)

Въ главѣ XXIV описана желтая горячка, и въ ней 4-й параграфъ—„предохранительныя мѣры для кораблей“ (стр. 428—429)—весьма важенъ для морскаго врача.

Глава XXXI посвящена холеру, болѣзни, названной въ предѣлахъ нашей имперіи, преимущественно въ Литвѣ и въ царствѣ Польскомъ. Болѣзнь описана подробно по источникамъ. Подробный спеціальный разборъ этой болѣзни принадлежитъ профессору справедливости, нашимъ молодымъ ученымъ, изъ которыхъ иные даровиты, какъ намъ давно извѣстно, выработали уже своей особенный взглядъ на эту болѣзнь и не признаютъ рациональными многихъ теорій, бывшихъ въ ходу даже весьма недавно. Нѣтъ сомнѣнія, что вскорѣ появятся весьма интересныя статьи по этому предмету.

Глава XXXIII—о кредитизмѣ—представляетъ обіи матеріалы, собранныя авторомъ изъ разныхъ источниковъ. Весьма большая глава, XXXVI, посвящена легочной чахоткѣ (стр. 501—528). Здѣсь собраны многія подробности, составлены тщательно таблицы. Въ главѣ XLV—о помѣшательствахъ—есть интересное мѣсто изъ наблюдений ученыхъ о различныхъ формахъ, посредствомъ которыхъ проявляется помѣшательство. Между прочимъ говорится о *мяущихъ женщинахъ*, *ширшающихъ дѣвкахъ*, *блѣющихъ монахиняхъ* и о *мяукающихъ сиротахъ*. Жаль, что Будену незнакомы наши *мяуки* и *родимые*, а то онъ иначе посмотрѣлъ бы на многія *блѣнія* и *мяуканія*, которыя, нисколько не относясь къ поврежденію разсудка, имѣютъ въ виду спекуляцію или другія цѣли. Изъ LI главы мы узнаемъ, что сальт, преимущественно лошадиная болѣзнь, по изслѣдованію ученыхъ врачей, принадлежитъ человѣку, который, какъ они говорятъ, „послѣ однокопытныхъ, кажется, наиболее склоненъ къ этому поражению“.

Въ LXIII главѣ очень подробно описана холера. Авторъ имѣлъ официальные свѣдѣнія изъ Россіи только объ эпидеміи

1846 года и, разумеется, говорить о том, чтобы очень коротко и интересно было бы знать описанной этой американо-русской в 1831 году, когда и против этой болезни генералы и командиры средней и действительной табачной промышленности только карантинами и карантинными средствами, считаясь с приличиями, заботились о том, чтобы она не распространялась. Подвергая, однако, посылкается, чтобы и в том отношении, что в отношении «Опытъ медицинской географіи и статистики», издающійся в настоящее время с одной стороны и с другой стороны, несмотря на то, что в нем недостатков и неполноту, тем не менее, в нем заслуживает одобрения, и что медицина далеко уже далеко ушла вперед, если бы побольше ее деятелей следовали примеру французского ученого.

Spectateur militaire, recueil de science, d'art et d'histoire militaires, 1864. (№№ 151—162.)

„Spectateur militaire“, издаваемый А. Нуром, существует уже 28 лет. В нем помещаются статьи по всем отраслям военных наук, / статьи военные и политические, обзорные, небольшие извлечения из иностранных военных журналов и есть архив до времени краткие очерки важнейших поражений французской армии, министерства. (№ 151) В 1864 году, издавая политический вопрос о военных действиях, происходивших в приальпийских гермопонтах, обратил на себя преимущественное внимание военной литературы. Вследствие этого в первой книжке „Spectateur“ за 1864 г. (№ 151) поместил статью г. Дрона „Дела под загавицк“, „Шлезвиг-Гольштейн и притязания Германии“. В статье своей автор осуждает вообще действия Австрии и Пруссии относительно Дании на том основании, что Шлезвиг никогда не принадлежал к Германскому Союзу, а относительно сейма потому, что великие германские державы поступили незаконно с революционным корпусом, который был исполнителем постановления Союза. В другой статье: „Условия германского единства“ (№ 162), заимствованной из немецкой брошюры доктора Музеуса: „Временный вопрос второстепенных германских государств“, тот же автор выражает особенное сочувствие к немецкому иезавислужающему, необходимости союза между Францией и второстепенными государствами

ны состоятъ: научить всему, что числу существенныхъ требованій для полководца сѣдѣній, авторъ относитъ / изученіе / элементовъ, изъ которыхъ составляется армія, / въ материальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, / близкое знаменство съ народнымъ духомъ, / съ характеромъ арміи, / съ нравскими и страстными ея свойствами, затѣмъ изученіе военной исторіи и тѣ особенности замѣчательнѣйшихъ военныхъ операцій, во всякихъ подробностяхъ. Только подобный запасъ сѣдѣній, при основательномъ изученіи теоріи военного искусства, можетъ освѣтить взглядъ и показать юнца и ознакомить его, такъ сказать, съ духомъ современной войны.

Вилламаринъ Вилламаринъ раздѣлилъ свое сочиненіе на пять главъ: военная политика; исторія военного искусства, элементы стратегіи и тактики, теорія силы и военныхъ дѣйствій. Въ первой главѣ авторъ дѣлаетъ опредѣленіе разнаго рода войнамъ, /сообразно ихъ цѣли и средствамъ, / и занимается изслѣдованіемъ нравственной стороны арміи, / состоящимъ изъ дисциплины, воинскаго духа, / рассматриваетъ обязанности военачальниковъ въ отношеніи подчиненныхъ, неприятеля и жителей и затѣмъ переходитъ къ изслѣдованію чуждыхъ основаній организаціи арміи.

Доказывая необходимость постоянныхъ армій, онъ говоритъ: любовь къ отечеству свойственна всемъ народамъ; всѣ народы стремятся обезпечить благополучіе и независимость своего отечества. Закономъ для благоденствія государства служатъ мудрость внутренней политики, содѣйствующая развитію материальныхъ и нравственныхъ силъ народа; задегомъ же для обезпеченія независимости государственныхъ интересовъ, /внѣшней и внутренней безопасности служатъ вооруженная сила. / Правительство обязано организовать эту силу такимъ образомъ, чтобы она могла удовлетворять своему назначенію во всякое время; /отсюда вытекаетъ необходимость постоянныхъ армій, / безъ которыхъ нельзя обойтись до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать войны и поводы къ нимъ. /Внѣшнему онъ говоритъ: Впреду съ комплектованіемъ арміи капитальнѣе Вилламаринъ посвящаетъ особенное вниманіе. /До тѣхъ поръ, пока морить она не была известна, /смыслъ способовъ комплектованія армій, / (1) / изъ армій, / (2) / на бригахъ, / (3) / у троекъ, / (4) / при помощи лучшаго триагому, / (5) / въ предѣлахъ вѣнскихъ земель, / (6) / ввозмездіи, / (7) / обязанность изслѣдовать опредѣленную часть войнъ; / (8) / въ прекруты отдавали

людей (запреступная) 4) обладать кабинами и 5) некоторая только
 сословий; 5) въ Пруссіи: на всѣхъ поданныхъ распространена
 обязанность лично совправлять военную повинность; 6) вербовка
 наймаемъ рекрутовъ на службу и 7) конскрипція, въ видѣ тиража,
 производимаго между молодыми людьми опредѣленнаго возраста,
 съ сохраненіемъ права зашщенія. Первые четыре еяособыи
 словами автора, являя въ употребленіи въ болыиакъ евро
 пейскихъ арміяхъ; пятый и шестой имѣютъ коренныя недостатки;
 послѣдній же безусловно лучший (указанъ въ упомянутой диле
 III) Но на всѣхъ поданныхъ говоритъ авторъ одинаково знача
 ресованно въ охраненіи общественныхъ интересовъ: простой ра
 ботникъ, напримеръ, наудается только въ обезпеченіи своихъ
 собственныиъ личныиъ правъ и правъ своего семейства, тогда
 какъ капиталистъ имѣетъ надобность въ огражденіи несравненно
 болыишииъ выгоды; если одинъ солдатъ достаточенъ для вырас
 ненія 10 семействъ рабочихковъ, то потребуется, можетъ быть,
 100 солдатъ для обезпеченія собственности одного богатаго се
 мейства. Потому справедливость требуетъ, чтобы 10 бѣдныхъ
 семействъ доставляли государству средства для содержанія одного
 солдата, а одно богатое семейства средства для содержанія 100
 солдатъ. Сверхъ того, для охраненія личныиъ правъ 10 чело
 вѣкъ потребуется, конечно, въ 10 разъ болые силъ, чѣмъ для
 огражденія правъ одного челоуѣка; вѣдствие этого при расче
 тѣ количества вооруженныиъ силъ должны быть также приняты
 въ соображеніе степень богатства гражданъ и числительность на
 родонаселенія. Раскладку денежной повинности пропорціонально
 еостоянію сдѣлать не трудно (конечно, при извѣстныхъ усло
 віяхъ); при раскладкѣ же натуральной повинности можно толь
 ко посредствомъ жребія опредѣлить семейство, которое должно
 поставитъ рекрута. Остальныя 9 семействъ слѣдуетъ обложить
 денежною повинностію въ пользу лица, идущаго на службу по
 жребію или добровольно. При такомъ способѣ всѣ сословія при
 обрѣтаютъ возможность откупиться отъ службы; въ противномъ
 же случаѣ вся тягость рекрутской повинности обыкновенно па
 дается на бѣдный классъ. На этотъ предметъ, по мнѣнію автора,
 не обращено должнаго вниманія, хотя мы съ своей стороны долж
 ны упомянуть, что вопросъ, затронутый почтеннымъ авторомъ,
 тщательно обсуждается въ некоторыхъ европейскихъ государ
 ствахъ и литература неоднократно обращала на него общест
 венное вниманіе. Въ заключеніи приведу еще одно мнѣніе

Въ главахъ о военномъ искусствѣ, капитанъ Вилламартина говоритъ, что въ древнія времена войны вѣдись, такъ сказать, инстинктивно, то въ битвахъ не было общаго плана, то вообще существовали только войны, а не было армій. Въ средніе вѣка не было тактики, и лишь въ XIX столѣтіи выяснилась и установилась надлежащая гармонія между отдельными войсками, и въ вооруженіемъ и способами построения войскъ. Намъ кажется, что здѣсь авторъ упускаетъ изъ вида тѣ услуги, которыя оказали военному искусству войны, вѣденыя во время предшествующихъ столѣтій, т. е. въ особенности славныя войны XIII столѣтія, отъ виднѣющихся столько знаменитыхъ и полководцевъ Французской революціи отъ продолжаетъ авторъ, произвела въ военномъ искусствѣ переворотъ болѣе сильный, чѣмъ паденіе знаменитой Римской имперіи или изобрѣтеніе пороха. Въ эту эпоху стратегія получила новое развитіе и выразилось въ совершенствѣ армій, составленныхъ изъ людей, проникнутыхъ единствомъ духа и стремленій; а потому не удивительно, что эпоха эта представила новый образъ веденія войны, въ которой характеръ наступательный, истребительный, сокращенія, обходовъ, улучшеніе modo управления арміею и новаго строя, и приношеніе на нѣ одно чему развитію солдатъ, и въ то же время (отъ автора) и тѣмъ же въ войнѣ, вѣденія послѣ 1815 года, были, но мабъна авторъ, раздѣлилъ попытки возстановить равновѣсіе между атакою и обороною, пользуясь новѣйшими открытіями и техническими усовершенствованіями въ различныхъ областяхъ военного искусства. Въ этомъ авторъ находитъ причину того, что въ Крыму, въ Италіи и въ Америкѣ съ такими огромными средствами достигнуты были весьма скудные результаты. Задача будущиѣ главнокомандующиѣхъ — говорить авторъ — состоитъ въ томъ, чтобы извлечь должную пользу изъ великихъ изобрѣтеній новѣйшаго времени: пара, телеграфъ и наръзнаго оружія, и дать арміи организацію, согласную съ новыми принципами. Намъ кажется, что задача эта обуславливаетъ направленіе современныхъ намъ преобразовательныхъ мѣръ, вѣдущиѣ къ улучшенію устройства вооруженныхъ силъ. Это мы видимъ въ преобразованіяхъ, коснувшихъ нашихъ вооруженныхъ силъ и армій и флотовъ иностранныхъ государствъ. Отъ автора мы имеемъ въ отдѣлѣ о тактикѣ авторъ старается опредѣлить эту науку и указать границы, существующія между ея и стратегіею. Въ заключеніе приведемъ выводъ г. Вилламартина. „Вой-

ны—говорить онъ—еще нескоро прекратятся; куда бы мы ни обратили наши взоры, вездѣ встрѣчаемъ вопросы нерѣшенные. Какъ бы ни была далека минута опасности, какая бы участь ни ожидала наше отечество въ будущемъ, не позволимъ миру, которымъ мы теперь пользуемся, усынить насъ. Пусть всѣ примутся за работу, потому что война неминуемо настанетъ, и бѣда народу, который не будетъ приготовленъ къ ней. Желательно, чтобы военные люди проникнулись этими убѣждениями и пробудили въ себѣ воинскій духъ, поглощенный меркантильнымъ направлениемъ вѣка.“

Вполнѣ соглашаясь съ заключеніемъ автора и признавая справедливость его пожеланій, переходимъ къ статьямъ, подъ заглавіемъ: „Шалонскій лагерь 1864 года“ (№№ 160, 161 и 162), въ которыхъ приведены извлечения изъ инструкцій, данныхъ французскимъ войскамъ, собраннымъ въ лагерь въ 1864 году. Здѣсь надобно замѣтить, что французскій строевой уставъ не заключаетъ въ себѣ нормальныхъ боевыхъ порядковъ и что въ уставѣ введены только правила для различныхъ построеній. Во время первой имперіи французская армія придерживалась слѣдующихъ тактическихъ правилъ: 1) Не существовало постоянныхъ боевыхъ порядковъ. Войска располагались сообразно мѣстности и обстоятельствамъ, пѣхота обыкновенно въ двѣ линіи, изъ которыхъ вторая не составляла неотъемлемой принадлежности первой, а употреблялась иногда для увеличенія протяженія фронта или для диверсій. Кавалерія не располагалась исключительно на флангахъ, а должна была быть во всякое время готовою атаковать непріятеля или подоспѣть на помощь пунктамъ, подверженнымъ опасности. 2) Армія имѣла большой резервъ, составленный не только изъ цѣлаго корпуса, имѣвшего всѣ три рода оружія, но еще изъ особаго резерва пѣхотнаго, кавалерійскаго и артиллерійскаго. 3) Пальба линіями употреблялась въ видѣ исключенія; обыкновенно же рассыпали стрѣлковъ, которые должны были находиться вездѣ и прикрывать всѣ движенія, совершаемыя ими на полѣ сраженія. 4) Сила арміи не была сосредоточена въ первой линіи. Эта послѣдняя, поддержанная или смѣненная, въ случаѣ надобности, второю, имѣла назначеніемъ утомлять противника и стараться ослабить его частыми стычками, заставивъ его въ то же время ввести въ дѣло по возможности больше силъ. Рѣшительный ударъ наносилъ всегда резервъ, направляемый на ослабленные или незащищен-

ные пункты линіи. 5) Движенія производились не цѣлою линіею, а отдѣльными баталіонами, построенными въ колонны. Всѣ эти правила включены въ главу о боѣ, которая составляетъ часть наставленія для полевой службы войскъ. Нынѣ въ инструкцію о построеніи войскъ вошли слѣдующія тактическія указанія:

„Распоряженія, которыя должны быть сдѣланы въ виду непріятели, измѣняются согласно предположенной цѣли, числу и роду непріятельскихъ войскъ и свойствъ мѣстности. Войска строятся, буде возможно, въ нѣсколько линій; если нельзя имѣть болѣе двухъ линій, то, покрайней мѣрѣ, за флангами этой послѣдней размѣщаются нѣсколько баталіоновъ, свернутыхъ въ колонны. Баталіоны боевыхъ линій могутъ быть построены въ развернутомъ фронтѣ или въ колоннахъ. Резервъ долженъ быть расположенъ позади того пункта, который предполагается защищать усиленно или на который намѣреваются повести главную атаку.

„Кавалерія располагается пошелоно на флангахъ или въ центрѣ боеваго порядка, если тому не препятствуетъ мѣстность. Во время атакъ артиллерія должна заставить молчать непріятельскія батареи; при оборонительныхъ же дѣйствіяхъ она преимущественно направляетъ свои выстрѣлы противъ атакующихъ войскъ. На рѣшительныхъ пунктахъ надлежитъ собирать наибольшее число орудій, потому что артиллерійскій огонь тѣмъ убійственнѣе, чѣмъ онъ сосредоточеннѣе.

„Вообще—сказано въ заключеніе инструкціи—для боевыхъ порядковъ не существуетъ неизмѣнныхъ правилъ. Самъ Наполеонъ говорилъ, что нельзя и не слѣдуетъ создавать нормальныхъ боевыхъ порядковъ и что не должно давать преимущества никакаго рода атакамъ, а всегда дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами и вводить сначала въ бой сколь возможно менѣе войскъ. Но, за отсутствіемъ положительныхъ правилъ, критическое изученіе боеваго расположенія войскъ во время главныхъ войнъ республики и имперіи можетъ принести большую пользу и облегчить въ данную минуту выборъ того или другаго боеваго расположенія войскъ.

Далѣе въ инструкціи совѣтуютъ только въ крайнемъ случаѣ строить войска въ одну линію, а имѣть обыкновенно двѣ или даже три линіи, при чемъ третья замѣняетъ резервы. Разстоянія между линіями въ инструкціи не опредѣлены.

За інструкцією слѣдуетъ разборъ различнаго рода колоннъ, описаніе примѣрнаго маневра для дивизіи, построеной въ одну или въ двѣ линіи, и описаніе маневра пѣхотной дивизіи, действующей кавалеріи и подверженой нападенію многочисленной конницы.

Относно употребленія кавалеріи въ инструкціи нѣтъ точныхъ правилъ, а есть одни общія указанія, наприкладъ; кавалерія должна быть размѣщена вѣдъ выстрѣлождъ, въ такомъ однако разстояніи отъ боевыхъ линій, чтобы не упустити удобной для атаки минуты. Входя въ районъ непріятельскаго огая, она разѣртывается. Кавалерія расподагается обыкновенно въ двѣ линіи, при чемъ вторая линія должна находиться въ такомъ разстояніи отъ первой, чтобы не быть опрокинутою, въ случаѣ неудачи. Резервъ въ особенности необходимъ при дѣйствіи кавалеріи противъ кавалеріи. Имѣя же дѣло съ пѣхотою, кавалерія обыкновенно строится въ болѣе глубокой боевой порядождъ и возобновляетъ послѣдовательныя атаки. Лучшій моментъ для атаки тотъ, когда непріятельская пѣхота вступила въ рукопашный бой съ пѣхотою и разстроена огнемъ артиллеріи. Подобныя тактическія постановленія, изложенныя въ видѣ инструкцій, весьма полезны для войскъ, особенно во время лагерныхъ строевыхъ упражненій.

Г. Шварцпетеръ, въ статьѣ: „О легкой пѣхотѣ“ (№155), разбирая организацію стрѣлковыхъ частей, задасть себѣ вопросъ: „полезно ли имѣть два рода пѣхоты?“ и приводитъ отавы маіора Ронья, подковника Марбо, генераловъ Дюгема и Дюма, которые единогласно признають необходимость легкой пѣхоты, но отдають предпочтеніе стрѣлковымъ ротамъ (полагая по одной на баталіонъ) передъ стрѣлковыми баталіонами. Велѣдъ засимъ онъ разсмотрѣлъ вопросъ: можетъ ли легкая пѣхота, при ея настоящей организаціи, принести ту пользу, которую вправѣ отъ нея ожидать? По поводу состава стрѣлковыхъ баталіоновъ авторъ замѣчаетъ, что они пополняются преимущественно жителями гористыхъ странъ, но что такіе жители не всѣ одинаково способны для стрѣлковой службы. Авторъ предлагаетъ замѣнить существующіе нынѣ стрѣлковые баталіоны стрѣлковыми ротами, полагая по одной на баталіонъ, и находить, что въ такомъ случаѣ было бы гораздо легче набрать въ эти роты лучшихъ стрѣлковъ съ цѣлаго полка, тѣмъ болѣе, что солдатъ можетъ быть стрѣлкомъ только до 30 или 35 лѣтъ.

*

Здѣсь кстати упомянуть о статьѣ поручика Беля: „Объ отборныхъ (*élite*) ротяхъ въ линейныхъ полкахъ“ (№ 161). Авторъ возстаетъ противъ учрежденія особыхъ отборныхъ ротъ, которое, по его мнѣнію, чрезвычайно вредно въ нравственномъ отношеніи. вмѣстѣ съ уничтоженіемъ этихъ ротъ, онъ предлагаетъ создать категорію солдатъ перваго класса и распредѣлить ихъ поровну на каждую роту, отчего, безъ сомнѣнія, поднимется духъ всего полка.

По части *артиллеріи* помѣщены двѣ статьи де-ла-Фрюстона: „Разныя свѣдѣнія по части артиллеріи и флота“ (№ 157) и „Орудія системы Армстронга“ (№№ 154 и 155); но мы не будемъ останавливаться на этихъ статьяхъ, такъ какъ въ нихъ не заключается ничего новаго для нашихъ читателей.

Относительно же статей по *инженерной* части обратимъ вниманіе на критическій разборъ сочиненія бельгійской службы майора Бріальмона: „Исслѣдованіе о защитѣ государствъ“ (№ 154). „Успѣхи, сдѣланные въ послѣднее время артиллеріею—говоритъ авторъ—обратили на себя общее вниманіе. Всѣхъ военныхъ занимаютъ вопросы: потеряли ли прежнее значеніе крѣпости, сооруженіе которыхъ стоило такъ дорого? ослабится ли значеніе обороны, стоящей теперь несравненно ниже атаки, или, напротивъ, не успѣетъ ли она извлечь нѣкоторыхъ выгодъ изъ усовершенствованій, сдѣланныхъ артиллеріею?“ Въ своемъ сочиненіи, Бріальмонъ разсматриваетъ послѣдовательно всѣ главные принципы обороны государствъ, основанія, которыми слѣдуетъ руководствоваться при укрѣпленіи стратегическихъ пунктовъ, и существующія фортификаціонныя системы съ точки зрѣнія критической, при чемъ отдаетъ преимущество системѣ полигональной. Во второмъ томѣ изложены отдѣльныя постройки, употребляемыя при всѣхъ системахъ, профили, одежда, сообщенія и употребленіе минъ при оборонѣ. Третій томъ посвященъ описанію замѣчательнѣйшихъ работъ, сооруженныхъ въ Европѣ въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ, и опытовъ, произведенныхъ надъ силою сопротивленія различныхъ строительныхъ матеріаловъ, также разбору предположеній автора касательно крѣпостей и фортовъ и описанію атаки и хода осадныхъ работъ.

По мнѣнію Бріальмона, оборона въ настоящее время уступаетъ атакѣ, потому что между ними нарушено равновѣсіе, вслѣдствіе того, что средства атаки увеличились, между

тѣмъ какъ оборона не сдѣлала никакихъ успѣховъ. Быстрое возрастаніе значенія атаки слѣдуетъ приписать методическому употребленію артиллеріи, у которой сила удара и мѣткость значительно увеличились. Основное стремленіе фортификацій—сохраненіе, а артиллеріи—разрушеніе. При оборонѣ крѣпости преобладаетъ элементъ сохраняющій; артиллерія остается на второмъ планѣ. Слѣдовательно, повидимому, всякое усовершенствованіе артиллеріи должно было бы содѣйствовать усиленію атакующаго. Если же въ фортификацію будутъ введены тѣ улучшенія, которыя вызвали усовершенствованіе артиллеріи, то успѣхи сего оружія принесутъ больше пользы оборонѣ, чѣмъ атакѣ. Необходимыми улучшеніями въ фортификаціи авторъ считаетъ: развитіе употребленія прочныхъ казематовъ, брони, минъ и примѣненіе электричества (телеграфы) и пара (устройство желѣзныхъ дорогъ внутри крѣпости).

Существенное условіе хорошей обороны крѣпости, по его мнѣнію, есть искусное употребленіе артиллеріи, соединенное съ сильными вылазками; вслѣдствіе этого является необходимость сильно обстрѣливать всю впередилежащую мѣстность и имѣть широкіе выходы для вылазокъ.

Къ отдѣлу *статистическому* принадлежатъ: „Очеркъ вооруженныхъ силъ Даніи“ (№ 152); „Разборъ бюджета англійскаго королевскаго флота на 1864 и 1865 годъ“ (№ 156) и „Военныя реформы въ Россіи“ (№ 158). Послѣдняя статья заключаетъ въ себѣ краткій очеркъ служебной дѣятельности нашего военнаго министра, генералъ-адъютанта Милютина, и перечисленіе преобразованій, предпринятыхъ въ нашей арміи съ 1861 года.

„Spectateur militaire“ 1864 года въ особенности богатъ статьями по отдѣлу *административному*. Къ числу лучшихъ статей принадлежатъ „Современные интересы“, въ которой затронуты хозяйственные вопросы, касающіеся до содержанія войскъ, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, и предлагаются различныя мѣры для улучшенія матеріальнаго положенія войскъ.

„Исслѣдованіе о рекрутскомъ наборѣ и о нравственной гигиенѣ войскъ“ (№№ 152, 153, 154, 156), доктора Артига. Авторъ, въ продолженіе тридцатилѣтней службы, успѣлъ познаться во всѣхъ отношеніяхъ съ французскими войсками. Статья его, имѣющая цѣлю указать на нѣкоторыя слабыя стороны французской арміи, для насъ въ особенности интересна какъ очеркъ нравовъ и обычаевъ французскихъ войскъ. „Не

волю. удивляешься. — говоритъ авторъ — что Франція, имѣя лунныхъ въ мѣсяцъ солдатъ, содержитъ столь многочисленную армию и что французскіе солдаты, которые такъ хороши въ дѣлѣ, не всегда бываютъ таковыми въ мирное время. Эти мысли приводятъ его къ разсмотрѣнію слѣдующихъ вопросовъ: нельзя ли, сдѣлавъ нѣкоторыя измѣненія въ системѣ набора, улучшить личный составъ армии и затѣмъ уменьшить ея численность, поднять нравственность солдата, изыскать какія-нибудь средства для обезпеченія его будущности при увольненіи отъ службы безъ права на пенсію или на опредѣленіе въ инвалидномъ домѣ?

Каждъ на препятствія для достиженія первой цѣли онъ указываетъ: на охотниковъ; на преобладаніе гражданскаго элемента въ ревизіонныхъ совѣтахъ; на призывъ всѣхъ молодыхъ людей извѣстнаго возраста, не обращая вниманія на ихъ тѣлосложеніе; на равномѣрную раскладку контингента по провинціямъ, не принимая въ расчетъ условій, въ которыхъ онѣ находятся, и на присвоенное ревизіоннымъ совѣтамъ право рѣшать сомнѣнія насчетъ слабости тѣлосложенія, что составляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ, по отсутствію всякихъ указаній для измѣренія силы легкихъ, между тѣмъ какъ здоровая грудь есть для солдата одно изъ необходимѣйшихъ условій. Рекрутовъ сомнительнаго тѣлосложенія онъ предлагаетъ посылать для освидѣтельствованія въ особую комисію, учрежденную при дивизіяхъ, съ тѣмъ, чтобы на службу принимались только тѣ, которые окажутся вполне здоровыми.

Для поднятія нравственности солдатъ, по его мнѣнію, лучшія средства суть умѣренность и правильность занятія, потому что праздность мать всѣхъ пороковъ. Онъ посвящаетъ особыя главы разбору пороковъ, наиболѣе распространенныхъ въ армии: пьянству, разврату и т. п.

Для обезпеченія будущности отставныхъ солдатъ, неимѣющихъ пенсій, авторъ совѣтуетъ устроить на казенный счетъ домъ для трудящихся (*hôtel de travail*), который можно будетъ содержать работами помѣщенныхъ въ немъ людей.

По поводу дуэлей Артигъ говоритъ: „Всѣмъ извѣстно, что поединки, этотъ варварскій обычай, отвергнутъ философіею и религіею и запрещенъ законами, но въ извѣстныхъ случаяхъ онъ оправдывается понятіями военныхъ о чести. Въ средніе вѣка поединки были въ большомъ употребленіи; мно-

жество народа, въ томъ числѣ и дамы; присутствовали на дуэляхъ, которыя походили на испанскій бой быковъ нашего времени; существовало даже особое положеніе о поединкахъ; входившее въ составъ законовъ. Во время революціи страсть къ дуэлямъ значительно уменьшилась, но во время имперіи она снова усилилась. Теперь ихъ опять стало меньше.

Дуэли между солдатами (до первой крови), при которыхъ всегда присутствуетъ учитель фехтованія, разрѣшаются начальствомъ только тогда, когда подобные примѣры могутъ благотворительно подѣйствовать на товарищей. Солдаты вообще, несмотря на близость учителя, побаиваются дуэлей: учитель можетъ не успѣть парировать опасный ударъ или получить приказаніе начальника не мѣшать дерущимся, и тогда рана будетъ опасна. Многимъ этотъ обычай, вкоренившійся во французской арміи, покажется смѣшнымъ; пожалуй скажутъ, что это комедія; но, по мнѣнію автора, онъ полезенъ, потому что предупреждаетъ мщеніе и примиряетъ враговъ; которыхъ иначе трудно было бы успокоить; къ тому же онъ облагораживаетъ солдата, который избѣгаетъ драки, привыкая считать удары кровными обидами, и потому становится осторожнѣе и вѣжливѣе въ обращеніи съ товарищами. Дуэли между унтеръ-офицерами встрѣчаются несравненно чаще, чѣмъ между солдатами, и вызываются обыкновенно завистію. Между офицерами вызовы очень рѣдки, рѣже чѣмъ между неслужащими, въ особенности между литераторами. Раздоры возникаютъ чаще всего въ общихъ столовыхъ, гдѣ собираются всѣ офицеры полка и гдѣ шерѣдко бывають столкновенія между товарищами, нерасположенными другъ къ другу; но и въ такихъ случаяхъ старшіе офицеры, если захотятъ и сьумѣють, всегда найдутъ возможность предупредить кровавую развязку. Для отстраненія возможности дуэлей между офицерами, которыхъ авторъ не допускаетъ, предлагается ввести суды чести, предостаивть имъ право давать провинившимся офицерамъ выговоры въ приказѣ по полку, представлять ихъ къ переводу въ другой полкъ, отрѣшать навремя отъ должности и, наконецъ, приглашать къ выходу въ отставку.

Говоря о развратѣ, авторъ, писавшій для солдатъ, изображаетъ его ужасныя послѣдствія слѣдующими словами: „Развратъ обращаетъ человѣка въ животное, заглушаетъ въ немъ лучшія побужденія и дѣлаетъ его существомъ безсмыслен-

нымъ. Люди, предавшіеся разврату, старѣются преждевременно и несутъ на лицѣ своемъ отпечатокъ пагубной страсти; они лицаются способности проиводить дѣтей или имѣютъ дѣтей болѣзненныхъ, истощенныхъ или идіотовъ—несчастныя жертвы отцовскихъ ошибокъ“. По его словамъ, развратъ не имѣетъ во французской арміи обширныхъ размѣровъ. Одинъ только раатъ, въ продолженіе всей службы, онъ былъ свидѣтелемъ, такъ сказать, эпидемическаго распутства, а именно въ отрядѣ генерала Бедо у Тлемсена, гдѣ, за отсутствіемъ женщинъ, солдаты удовлетворяли своимъ половымъ потребностямъ неестественнымъ образомъ. Генераль Бедо, узнавъ объ этомъ, положилъ немедленно конецъ злу, выписавъ въ Алжирь цѣлый транспортъ испанскихъ женщинъ.

Въ главѣ о развратѣ докторъ Артигъ описываетъ совершенно особый типъ женщинъ и солдатскихъ женъ, которыя соединяютъ въ себѣ самыя гнусныя пороки съ самыми рѣдкими добродѣтелями. Женщины эти выходятъ изъ низшихъ слоевъ общества, переходятъ всѣ ступени разврата, нерѣдко бываютъ въ публичныхъ домахъ и стараются заводить знакомство съ солдатами, бродя въ окрестностяхъ казармъ, куда имъ входъ строжайше запрещенъ. Пока не найдутъ себѣ постояннаго любовника, подобныя женщины ведутъ самую распутную жизнь; но съ этой минуты онѣ перерождаются, становятся нравственными, дѣлаются прачаи, швеями и т. п., добиваются разрѣшенія приходитъ въ казармы и раздѣляютъ съ полкомъ и горе и радость. Главная ихъ цѣль выйти за мужъ за любовника; но меньшинство только достигаетъ своихъ стремленій.

Авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ необыкновеннаго самоотверженія таиыхъ женщинъ, но и не скрываетъ, что онѣ главныя причины сильной заразы, распространенной между солдатами.

По изслѣдованіямъ доктора Дерюеля, въ парижскомъ гарнизонѣ съ 1815 по 1842 годъ было 42,715 сифилитическихъ больныхъ, что составляетъ въ годъ 1,582 или 5,27⁰/₀. По этому разсчету на 400,000 приходится въ годъ 21,080 сифилитиковъ; леченіе каждаго, продолжающееся среднимъ числомъ 32 или 33 дня, стоитъ 42 франка 90 сантимовъ, а всѣхъ больныхъ обходится въ 800,000 франковъ.

Для уменьшенія числа венерическихъ больныхъ, первый консулъ приказалъ производить у нихъ значительный вычетъ

изъмалованья во время нахождения ихъ въ госпиталѣ. Авторы не только находятъ это вполне справедливымъ, но предлагаетъ восстановить эту мѣру и требуетъ болѣе тщательныхъ медицинскихъ осмотровъ.

Честолюбіе, т. е; желаніе получить скорѣе чины и заслужить свой кругъ власти—говоритъ докторъ Артигъ—лишаетъ человѣка спокойствія; оно, подобно скупости, не знаетъ предѣловъ и вредно отражается на здоровьѣ. Здѣсь разумѣется честолюбіе, оправдывающее всѣ средства для достиженія цѣли, а не самолюбіе, которое даже полезно для военнаго, потому что оно часто бываетъ пружиною для совершенія блистательныхъ подвиговъ. Въ настоящее время, во французской арміи распространилось множество мелкихъ честолюбцевъ и льстецовъ, всегда готовыхъ интриговать и унижаться. Офицеры эти мечтаютъ только о преавадствѣ и ищутъ протенціи, которая убиваетъ товарищество. Докторъ Артигъ не даетъ лекарства отъ этой болѣзни, но совѣтуетъ честолюбцамъ раавивать умъ свой и искать правильныхъ занятій.

Вообще статьи г. Артига заключаютъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній о французской арміи и до нѣкоторой степени характеризуютъ французскія войска въ отношеніи ихъ нравственнаго состава.

Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о статьяхъ г. Монуара объ организаціи и кругѣ дѣятельности итальянскаго генеральнаго штаба (№ 158). Итальянскій генеральный штабъ организованъ въ 1796 году, а въ 1850 году въ Туринѣ учреждена школа для образованія офицеровъ генеральнаго штаба. Итальянскій военный министръ есть начальникъ генеральнаго штаба; дѣла сего штаба разсматриваются въ особомъ совѣщательномъ комитетѣ. Французскому военному делу въ Италіи соотвѣтствуетъ главное управленіе генеральнаго штаба (*Ufficio superiore di state maggiore*); этому послѣднему подчинены также топографическое отдѣленіе въ Неаполь и училище генеральнаго штаба. Офицеры генеральнаго штаба назначаются начальниками штабовъ и для особыхъ порученій въ военные округа, въ арміи, въ корпуса, въ территоріяльныя и въ дѣйствующія дивизіи и въ бригады; командируются за границу; употребляются для геодезическихъ, топографическихъ, военно-историческихъ и статистическихъ работъ; назначаются въ разныя военныя училища профессорами военныхъ

наукъ, геодезіи, топографіи и географіи, и посылаются на службу въ войска.

Въ генеральномъ штабѣ, въ настоящее время, помѣщается: 1 генераль, 15 полковниковъ, 15 подполковниковъ, 28 майоровъ, 92 капитана и 60 поручиковъ, всего 211 человекъ. Главное управленіе состоитъ изъ трехъ отдѣленій: ученаго, топографическаго и счетнаго. Для геодезическихъ и топографическихъ работъ какъ въ Туринѣ, такъ и въ Неаполѣ употребляются гражданскіе чины: инженеръ-географы, рисовальщики, граверы и проч., всего 74 человекъ. При главномъ управленіи состоятъ: библиотека, архивъ картъ и плановъ, граверная мастерская, литографія и фотографическій павильонъ. Главное управленіе генеральнаго штаба приобрѣло большую извѣстность своею полезною дѣятельностью. До 1859 года имъ было издано много статистическихъ, историческихъ и другихъ военныхъ сочиненій, какъ-то: альбомъ крымской кампаніи, курсы топографіи, малой войны и рельефныя модели, вмѣстѣ съ инструкціею для изученія мѣстности и маневровъ.

Въ заключеніе нашего обзора журнала „Spectateur militaire“ за 1864 годъ, обращаемъ вниманіе на статьи Антуана Камю, носящія заглавіе: „Современные военные писатели“. Въ первой изъ нихъ (№ 158) авторъ говоритъ о военномъ романѣ, который создаетъ, по его мнѣнію, Альфредомъ де-Виньи и Полемъ де-Моленомъ. „Всякій вообще романъ — говоритъ онъ — есть картина нравовъ извѣстнаго періода времени. При самомъ поверхностномъ взглядѣ на разнородные элементы, изъ которыхъ составленъ полкъ, легко убѣдиться въ томъ, что они представляютъ богатый матеріалъ для романа. Къ тому же въ каждомъ полку встрѣчаются рѣзкіе контрасты въ глѣтахъ и характерахъ, великія добродѣтели и ужасные пороки, любовь и ненависть. По мнѣнію автора статьи, было бы весьма полезно знакомить общество съ разнообразными формами и случайностями военнаго быта. Помощію военнаго романа авторъ надѣется уничтожить много предразсудковъ, сблизить сердца и установить между арміею и всѣми классами общества болѣе тѣсную связь. Во второй статьѣ (№ 160) Камю разбираетъ сочиненіе генерала Амбера „Портреты“, которое начинается съ біографіи нашего славаго Суворова. По поводу этого жизнеописанія рецензентъ сильно негодуетъ на автора и упрекаетъ его въ пристрастіи къ своему герою. Вотъ подлинныя слова Камю: „На первомъ

планѣ мы встрѣчаемъ, не безъ удивленія, суровое лицо фельд-маршала Суворова, этого необходимѣшаго солдата и истиннаго рубаки, который въ пылу битвы всегда кричалъ: „впередь! впередь!“ Безъ сомнѣнія, невзирая на его дикія выходки, притворную оригинальность, хвастовство и странность характера, этотъ грозный герой заслуживаетъ вниманія исторіи. Но этимъ я не хочу сказать, что онъ былъ великій полководецъ или замѣчательный военный человѣкъ (!). Однакожь личность его выдавалась впередъ, онъ былъ храбръ и обожалъ свое отечество, а такихъ качествъ нельзя не уважать“.

Суворовъ, по мнѣнію Камю, обязанъ своею репутаціею причинамъ, независѣвшимъ отъ его личныхъ достоинствъ. „Онъ имѣлъ счастье родиться въ такой странѣ и въ такую эпоху — говоритъ авторъ — когда, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, съ нѣкоторою смѣлостію и истинными способностями (!) можно было дойти до высшихъ должностей. Наполеонъ сказалъ: „Фельдмаршалъ Суворовъ имѣетъ только душу, но не умъ великаго полководца. Этихъ словъ было бы достаточно для того, чтобы указать мнѣсто, которое Суворовъ долженъ занимать въ исторіи“.

Мы привели мнѣніе Камю о нашемъ Суворовѣ съ тѣмъ, чтобы показать явную нелогичность отзыва автора о славномъ русскомъ полководцѣ, и тѣ противорѣчія, которыя встрѣчаются въ статьѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не выразить удивленія, что подобныя статьи находятъ мѣсто на страницахъ серьезныхъ военныхъ журналовъ.

* *